

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1 юни. Говорятъ, что нѣмецкій языкъ для русскаго будетъ нуженъ и въ будущемъ, ибо онъ будетъ полезенъ въ коммерческомъ отношеніи. Такъ ли это? Въ будущемъ торгово-промышленныя отношенія къ нѣмцамъ нѣсколько уменьшатся. Увеличатся ваши торговныя отношенія къ Франціи и Англии, и будутъ нужнѣе французскій и англійскій языки.

Государственная Дума приступаетъ къ разсмотрѣнію крестьянскаго законопроекта, при чемъ блестящую рѣчь произнесъ депутатъ Маклаковъ за неотложное проведеніе въ жизнь этого законопроекта, т.-е. дарованіе крестьянамъ всѣхъ правъ, которыми пользуются другія сословія. Давно бы пора это сдѣлать.

Отовсюду сообщаютъ, что австро-германцы совершенно ошеломлены нашимъ быстрымъ наступленіемъ и могучимъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи. Этого они не ожидали, когда полагались на силу своихъ укрѣпленій, они ихъ устроили съ необычайнымъ комфортомъ для долгаго сидѣнья. Увѣ-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1916 г.

ривъ себя, что наступленія не будетъ, и увѣровавъ въ силу своихъ укрѣпленій, они отважились перевести съ южнаго своего фронта часть войскъ на Италіанскій фронтъ.

Въ „Вечернемъ Времени“ записанъ рассказъ офицера объ атакѣ Текинскаго полка:

Въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго упоминалось о Текинцахъ. Въ конномъ строю они нанесли тяжелое пораженіе непріятелю во время продолжающагося наступленія нашей арміи. Текинскій полкъ недавно получилъ это названіе; раньше онъ назывался Туркменскимъ коннымъ полкомъ.

Текинскій полкъ — самый оригинальный, самый колоритный во всей нашей кавалеріи полкъ. Красивые шелковые халаты, огромнымъ черныя—зимой, бѣлыя—лѣтомъ баряньи папахи, кривыя сабли — клычи, прямые ножи — княжалы за пестрыми кушаками, богатая, украшенная серебромъ сбруя. А кони — текинскіе жеребцы, быстрые, какъ степной вихрь, и злые, какъ тигры, въ бою. Туркмены — рядовые джигиты — все мѣстная знать. Представители старѣйшихъ мѣстныхъ родовъ. Ихъ предки воевали вмѣстѣ съ Тамерланомъ и бывали въ Европѣ, неся туда мечъ и огонь. Они связаны узами родства съ воинами Афганистана, Непала и индійскихъ раджей съ Ганга. Ихъ легенды, ихъ пѣсни и мечты — война. Съ малыхъ лѣтъ имъ показываютъ старые клинки клычей, кованыхъ въ ущельяхъ священнаго Памира, гдѣ старые мастера много вѣковъ назадъ умѣли готовить твердую, какъ алмазь, и гибкую, какъ молодые побѣги саксаула, сталь. Они перековывали желѣзо много-много разъ, добавляя къ бѣлому отъ жара металлу золотого порошка. Все это рассказываютъ отцы своимъ сыновьямъ. Мальчишки и подростки твердо знаютъ исторію каждаго стараго клыча. Этотъ сразилъ тибетскаго военачальника Наймая, тотъ былъ поднятъ послѣ боя у подножій Гималая братомъ убитаго „баяра“ Ураза, а тотъ... во всѣхъ біографіяхъ туркменскихъ кривыхъ клычей и не пересказать! Въ каждомъ семействѣ, на почетномъ мѣстѣ, находится клычъ. По твердой, не знающей царапинъ и ржавчины, поверхности ползутъ глубоко вкрапленныя черныя змѣйки и пятнышки великолѣпнаго „дамаска“, выдавашаго многіе и дальніе бои.

10-лѣтніе подростки уже приучаются рубить клычемъ и достигаютъ большого искусства. Туркменъ на своемъ вихрь-конѣ съ другомъ-клычемъ—опаснѣйшій изъ враговъ. Въ эту войну они показали себя. Ими командуютъ русскіе офицеры—„баяры“ и одинъ свой—сынъ хана, нынѣ лхой ротмистръ, бывшій пажъ.

Текинцы—сыны боя. Когда вспыхнула война,—отъ аула къ аулу полетѣли вѣсти о войнѣ. Начали осматривать коней, точить клычи и ножи, считать серебро.

Съ первыхъ дней войны мы видимъ текинскихъ удалцовъ на фронтѣ. Въ одной изъ крупныхъ развѣдокъ подъ текинцемъ былъ убитъ конь. Джигитъ упалъ, и къ нему поскакали германскіе уланы. Мгновеніе—и джигитъ всталъ на ноги. Что-то яркое-яркое опоясало его въ этотъ мигъ, метнулась красная фигура джигита, а вслѣдъ за этимъ одинъ за другимъ упали три улана.

„Текинцы въ конномъ строю атаковали непріятеля“, — говорится въ официальномъ сообщеніи.

А знаете ли вы, что такое конная атака текинцевъ? Мнѣ рассказывалъ о ней одинъ изъ боевыхъ офицеровъ этого полка, серьезно раненый и давно уже вернувшійся въ строй, извѣстный въ Петроградѣ и Лондонѣ художникъ А. Д. Р.

— Вотъ скомандовали „въ атаку“, — говоритъ онъ, — джигиты пригнулись къ шеямъ коней—и тѣ сразу рванулись, словно отдѣлились отъ земли. Только вѣтеръ свистать въ ушахъ и лопочуть отогнувшіяся полы красныхъ хлатовъ. Джигиты молчатъ, внимательно всматриваясь туда, гдѣ ихъ ждетъ давно желанный рукопашный, вѣстойный рыцарскій бой. Люди спокойны,—страхъ незнакомъ джигитамъ съ Памира. Зато горячатся кони. Они уже начинаютъ ржать, злобно прижимаютъ уши и скалятъ зубы. Джигиты вытянули впередъ правыя руки, а затѣмъ и размахнулись. Бѣлая ленточка встрѣчныхъ дымныхъ выстрѣловъ и... сѣча. Какъ красные духи мщенья, пронеслись сквозь толщу пѣхоты, повернули назадъ и снова несутся, внимательные и зоркіе — истые, прирожденные воины. Каждый ударъ клыча — торжествующая пѣсня. Отрубленные руки и головы германскихъ пѣхотинцевъ, перерубенная наискосокъ туловища — остаются гдѣ-то езади. Вотъ мчится навстрѣчу текинцамъ германская конница. Столкнулись—и вѣтъ пощады вѣмцамъ. Гибнутъ подъ ударами клычей. Вотъ конь обнесъ текинца-ротмистра и съ лѣвой

стороны очутился германскій офицеръ. Сверкнулъ кличъ, перекинутый въ лѣвую руку, и ударомъ на-отмашь туркменскій джигитъ валить врага. Мчится красная ливія джигитовъ и рядомъ съ ними косить свою жатву неизбежная для враговъ смерть.

Послѣ боя, на стоянкѣ, туркмены сосредоточенно дѣлаютъ зарубки на рукояткѣ клычей и вяжутъ узелки на кистяхъ уздечекъ, считая убитыхъ враговъ.

Горятъ ихъ глаза и пылаютъ лица. Сыны боя, — они счастливы ратной работой и знаютъ, что черезъ много лѣтъ ихъ внуки будутъ говорить о нихъ, бившихся тамъ же, куда когда-то, во мракъ вѣковъ, привелъ туркменскихъ воиновъ Тамерланъ-завоеватель ¹⁾.

Къ этому интересному описанію позволю себѣ добавить нѣсколько словъ изъ разсказа, слышаннаго мною отъ лица, прибывшаго съ театра войны.

Когда текинцы пошли въ атаку, то они буквально завывали своей боевой кличъ, который слился съ ужаснымъ ревомъ ихъ коней. Это боевое настроеніе производило такое впечатлѣніе, что у самыхъ хладнокровныхъ людей пробѣгали мурашки по спинѣ.

Когда текинцы схлынули съ поля битвы, и стали подниматься нѣкоторые изъ нашихъ раненыхъ, еще до атаки оставшихся на полѣ сраженія, то къ каждому нашему раненому прицѣпились гуськомъ, хватаясь за одежду, нѣсколько раненыхъ непріятелей, такъ они опасались быть изрубленными текинцами. Наши раненые приводили на перевязочный пунктъ не мало плѣнныхъ.

3 іюня. Сообщаютъ изъ Екатеринодара, что генералъ-губернаторомъ приговоренъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы безъ замѣны штрафа армавирскій милліонеръ Тарасовъ за спекуляцію сахаромъ.

Какъ было бы прекрасно, если бы всѣ генералъ-губернаторы, губернаторы, градоначальники и командирующіе войсками послѣдовали этому прекрасному и мудрому рѣшенію. Какъ бы уменьшилось мародерство торговцевъ.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 2 іюня с. г.

Г. Лембичъ въ „Русскомъ Словѣ“ ¹⁾ сообщаетъ интересныя подробности о Луцкомъ наступленіи.

„Плѣнные австрійцы рассказываютъ, что вся сила нашего перваго удара въ луцкомъ направленіи обрушилась на двѣ австрійскія дивизіи, именно — семидесятую венгерскую и вторую славянскую, отъ которыхъ уцѣлѣли жалкіе остатки.

Послѣ разгрома этихъ дивизій образовался знаменитый луцкій прорывъ, устремившись въ который, наша пѣхота стала заходить въ тылъ всей четвертой арміи эрцгерцога Іосифа-Фердинанда, что заставило ее въ безпорядкѣ очистить весь луцкій районъ.

День наступленія войскъ генераль-адъютанта Брусилова совпалъ съ большимъ торжествомъ въ австрійской арміи — днемъ рожденія самого главнокомандующаго австрійскими силами на русскомъ фронтѣ эрцгерцога Фридриха, которому исполнилось 60 лѣтъ.

Престарѣлый юбилляръ пріѣхалъ въ ставку эрцгерцога Іосифа-Фердинанда въ Луцкъ, чтобы отпраздновать этотъ день въ арміи.

Праздникъ начался необыкновенно торжественно. Луцкъ съ утра былъ украшенъ австро-венгерскими національными флагами, а вечеромъ иллюминированъ. На площади передъ ратушей состоялся смотръ войскамъ и всѣмъ кавалерамъ „железной короны“. Эрцгерцогъ произнесъ передъ войсками папыщенную рѣчь, въ которой превозносилъ ихъ доблесть, храбрость и призывалъ къ новымъ побѣдамъ, которыя вскорѣ приведутъ ихъ къ счастливому долгому миру.

Послѣ осмотра начался обѣдъ, сервированный на открытомъ воздухѣ, въ красивомъ луцкомъ паркѣ, съ моремъ шампанскаго, ликеровъ и старыхъ дорогихъ винъ.

Оба, — какъ юбилляръ, такъ и командующій арміей, — были въ прекрасномъ настроеніи, не допускали возможности какой-либо катастрофы. Когда старому эрцгерцогу доложили о томъ, что русскіе открыли ураганный артиллерійскій огонь по всему фронту, что это похоже на подготовку общаго наступленія, полуцыпный вождь „побѣдоноснаго“ австрійскаго воинства разсмѣялся.

— Знаемъ мы теперь эти ихъ наступленія. Пострѣляютъ и перестанутъ. Прикажете лучше раздать моимъ солдатамъ по лишней кружкѣ вина, чтобы они не скучали, пока стрѣляютъ пушки.

¹⁾ „Русск. Сл.“ 3 іюня 1910 г.

Но проходили часы за часами, а наши орудія не умолкали.

Эрцгерцогъ началъ беспокоиться, когда вдругъ, какъ громъ среди яснаго неба, пришло извѣстie, что вся первая линiя луцкихъ укрѣпленiй прорвана, и австрiйскiя войска бѣгутъ, преслѣдуемая русскими.

Эрцгерцогъ Фридрихъ въ отчаянii началъ рвать на себѣ волосы. Чтобы спасти положенiе, онъ вызвалъ стратегическiе резервы, изъ которыхъ тринадцатая ландверная дивизiя была брошена для заплаты главнаго луцкаго прорыва, но также вскорѣ была разбита нами и была привуждена отдать Луцкъ.

Такъ кончился пиръ изъ бѣдою.

Тѣло недавно умершаго Гольцъ-паши перевозится торжественно изъ Багдада въ Царьградъ. Должно быть орлиныя налеты Юденича на турокъ свалили этого мастодонта.

На засѣданii въ память фонъ деръ Гольца-паши скончался графъ Мольтке, бывшiй въ началѣ войны начальникомъ генеральнаго штаба. Не выдержало его сердце нашего Галицiйскаго наступленiя. Помнится, какъ передъ войной на Лейпцигскихъ торжествахъ среди массы германскихъ генераловъ ярко выдѣлялись массивныя фигуры этихъ генераловъ. Какими побѣдителями они ходили тогда.

4 июня. Г. Маура въ „Вечернемъ Времени“ указываетъ на тѣ фиговые листки, которыми прикрываются наши нѣмцелюбы.

Лисичанское химическое общество и ликвидированное предпрiятiе Коппе захватываетъ нѣмецкiй капиталъ. Въ подмосковномъ каменноугольномъ районѣ, около станцiи Оболевской, нѣкто В. М. Хитрово захватилъ рудники для германской фирмы; для той же фирмы приобрѣлъ въ Донецкомъ бассейнѣ каменноугольный рудникъ торговый домъ Э. I. Островскiй и Н. Н. Сѣрокузовъ.

Открываю вчера интереснѣйшiй журналъ „Поверхность и нѣдра“, и на стр. 75-ой читаю, что Вѣдлогорское мѣсторожденiе магнитнаго желѣзняка, въ предѣлахъ ольгинскаго района, захвачено Ю. И. Бринеромъ и Арцтомъ. Физиономiя Ю. И. Бринера, работавшаго на нашемъ тихоокеанскомъ побережьѣ на деньги вѣнскихъ банкировъ, бр. Гиршъ,

германскихъ банковъ, бывшаго германскаго консула Даттана, достаточно выяснена, чтобы не сомнѣваться, что принадлежащія ему отводы легко могутъ попасть въ руки иностранцевъ любой національности, не исключая и германской. Что касается г. Арцта, то до настоящаго времени онъ занимается горнопромышленнымъ грюндерствомъ, а его личное предпріятіе — буроугольный рудникъ „30-я верста“ — не даетъ основаній считать его болѣе или менѣе крупнымъ промышленникомъ. Такимъ образомъ, захватываемая въ свои руки каменноугольная, желѣзная, золотая и свинцовая мѣсторожденія, онъ, конечно, въ концѣ концовъ будетъ принужденъ или отдать ихъ въ казну, или продать кому угодно. И въ настоящее время говорятъ о переговорахъ какъ Бринера, такъ и Арцта, съ одной крупной, но въ Россіи мало популярной не-германской фирмой.

Промышленные круги обратили вниманіе на Семипалатинскую область, гдѣ найдены сѣра, уголь, мѣдь и другія горныя богатства, и мы узнаемъ, что тотъ же контрагентъ огромной германской фирмы, торговый домъ Островскій и Сѣрокузовъ, уже началъ хлопоты для полученія отводовъ.

Быть можетъ, „Островскій и Сѣрокузовъ“ и Арцтъ такіе ставленники германскихъ капиталовъ, какъ В. М. Хитрово, Ю. И. Бринеръ, Ренкевичъ и др., но коль скоро имѣются указанія на возможность вреднаго грюндерства, нужны мѣры для защиты нашихъ горныхъ богатствъ отъ продажи ихъ оптомъ и въ розницу. Вѣдь продаютъ-то Россію?

На фронтѣ доблестная армія побѣдно защищаетъ родину, а мы здѣсь, въ тылу, долго ли будемъ равнодушно смотрѣть, какъ дѣлаютъ свое дѣло германскіе „фиговые листки“, въ родѣ Хитрово-Скрипичкина, помогая распродажѣ Россіи? ¹⁾

5—6 іюня. Относительно нашего наступленія всѣ плѣнные показываютъ одно и то же. Насъ застали врасплохъ, никто не ожидалъ подобнаго удара. Сколько разъ мы напрасно готовились къ вашимъ атакамъ! Вѣдь даже назначались опредѣленные числа, а отвѣтомъ была тишина. Успокоились, и думали, что выработывается новый планъ.

Г. Петровъ въ „Русскомъ Словѣ“ ²⁾ передаетъ описаніе одной интересной операціи въ Полѣсьи:

¹⁾ „Веч. Вр.“ 4 іюня с. г.

²⁾ „Рус. Сл.“ № 127 с. г.

Командиру эскадрона драгунъ,—лихому кавалеристу-рубакъ, который заслужилъ еще въ Восточной Пруссiи золотое оружіе, а на Карнатахъ офицерскаго Георгія, и который теперь съ осени чуть не годъ сновалъ по трущобамъ Полъсся,—нѣсколько нашихъ мѣстныхъ крестьянъ изъ деревни С. сообщили, что на мысу, при впаденіи рѣчки С. въ П., нѣмцы уже нѣсколько дней производятъ какія-то усиленныя работы.

Командиръ дважды былъ самъ въ этихъ мѣстахъ на развѣдкѣ и зналъ хорошо этотъ мысокъ. Взявъ съ собою 6 драгунъ, командиръ отправился къ мыску С., а корвету З., молодому, но надежному офицеру, велѣлъ стороною осторожно прокрасться къ хутору Т. со взводомъ и, разсыпавшись тамъ въ лѣсу, ждать его, зорко слѣдя за каждымъ шорохомъ кругомъ.

Къ мыску на С. командиръ пошелъ глубокимъ обходомъ. Ночью съ проводникомъ пробрался гуськомъ черезъ большое топкое болото и къ утру вышелъ на берегъ рѣчки С., какъ-разъ противъ нужнаго мыска. Берегъ былъ высокій, покрытый густыми порослями. Драгуны, покормивъ лошадей, завязали имъ торбами морды и залегли за кустами вдоль берега надъ самою водою.

Берегъ напротивъ былъ какъ на ладони. Низкій, удобный для нагуаки, онъ былъ заваленъ бревнами. До полу-сотни нѣмецкихъ солдатъ сдирали съ деревьевъ кору, а дальше по всему берегу шла, какъ въ какомъ хорошемъ рѣчномъ порту, кипучая работа. Немного выше устья рѣки С. былъ переброшенъ пловучій мостъ, на плоткахъ. Отъ него направо и налево по самому берегу шла хорошая колесная дорога, на которую нѣмцы, видимо, потратили много и времени, и труда, и матеріала. Топь берега была большая, а проложенный дорожный настилъ былъ столь крѣпокъ, что по нему свободно тянулись обозы грузовыхъ самоходовъ. У самаго берега С. стояли большіе, вмѣстимостью на тысячи пудовъ амбары, а по рѣкѣ взадъ и впередъ сновали десятка два катеровъ и моторныхъ лодокъ. Германцы на нихъ таскали лѣсной матеріалъ къ самому впаденію рѣчки въ П., гдѣ новые десятки солдатъ сколачивали длинные плоты, ставили на нихъ изъ заготовленныхъ срубовъ каяты, обкладывая ихъ,—конечно, для защиты,—мѣшками съ землей.

— Передай ребятамъ,—подползъ командиръ эскадрона къ ближайшему драгуну,—что германцы, очевидно, гото-

вятъ большую пакость нашимъ, а поэтому пока не пойдемъ, въ чемъ дѣло, не уйдемъ отсюда.

Трое сутокъ пролежали драгуны въ кустахъ на берегу, питаясь хлѣбомъ и консервами. Зато видѣли все. Германцы на одни плоты погрузили орудія и пулеметы, на другіе повнаставили мѣшки со снарядами. Два большихъ катера ночью на вторыя сутки ушли зачѣмъ-то вверхъ по рѣкѣ.

Командиръ послать одного драгуна за корнетомъ З. съ десяткомъ людей, и, когда тотъ къ утру четвертаго дня прибылъ, начальникъ оставилъ его вмѣсто себя:

— Смотрите въ оба за всякою мелочью на томъ берегу и каждые 4—5 часовъ доносите мнѣ.

Германцы на другомъ берегу въ 200—250 шагахъ, работали спокойно, и не предполагая, что русскіе съ дерзкою кучкою людей могли четвертый день слѣдить за ними.

Вернувшись на свою стоянку, командиръ забралъ съ собой почти весь эскадронъ. Онъ догадывался, что германцы хотятъ спуститься внизъ, что они поплывутъ далѣе по рѣчкѣ К., мимо хутора Т., гдѣ только-что укрывался корнетъ З. Сюда, къ хутору, теперь и привелъ командиръ своихъ драгуновъ. Разставилъ на всѣхъ дорогахъ и тропкахъ сторожевыхъ, а самъ съ полуэскадрономъ драгунъ сталъ пробираться вдоль рѣчки К. Верстахъ въ трехъ отъ хутора Т. рѣчка дѣлала крутой поворотъ. Правый берегъ, густо поросшій лѣсомъ, нависалъ надъ водою, поднимался горою и почти на полторы-двѣ версты господствовалъ надъ рѣкою вверхъ и внизъ ея.

Ночью командиръ пригналъ къ этому мѣсту кручи три плоскодонныя лодки, отвязанныхъ тамъ крестьянами, и къ утру поперекъ всей рѣчки устроилъ подводное загражденіе. Въ шахматномъ порядкѣ, шириною сажень въ десять, драгуны вбили колья квадратиками, четыре на четыре кола. Колья вбивались такъ, чтобы они только-только доходили до поверхности воды, не вылезая ничуть наружу.

Противоположный, лѣвый берегъ рѣчки К. былъ низменный, топкій, непроходимый, покрытый какою-то трухлявою зарослью. На своей сторонѣ командиръ устроилъ вдоль берега рядъ хорошихъ укрытій для стрѣлковъ, а съ хутора велѣлъ крестьянамъ натаскать соломы, вязанокъ сухого хвоста, пакли, всякаго тряпья, старыхъ роговъ и какъ можно

больше смолы, раздобыли даже нѣсколько банокъ керосина. Все это драгуны разложили кучками по берегу, надъ самою водою, у кручи.

Не доходя съ поля версты до драгунскихъ укрытій съ правой стороны впадалъ въ рѣку К. лѣсной протокъ надъ болота, съ непроходимыми, покрытыми зарослями берегами. Устье этого протока драгуны взяли подъ обстрѣлъ двухъ имѣющихся съ ними пулеметовъ.

На разсвѣтъ пришло донесеніе отъ корвета З., что нѣмцы окончательно сготовились и, видимо, утромъ тронутся въ путь. Командиръ еще разъ осмотрѣлъ всю свою боевую линію и повторилъ всѣ свои указанія. Легли спать, съ наказомъ сторожевымъ будить, чуть по рѣкѣ вдали покажутся германцы. Часовъ въ 10 утра первый сторожевой на рѣкѣ, укрытый на деревѣ, далъ сигналъ легкимъ свистомъ:

— Показались нѣмцы.

Мигомъ драгуны стали на мѣста. Прошло минутъ 15. Изъ-за поворота рѣки, обгоняя свои плоты, выскочили двѣ моторныя лодки, какъ два маленькіе броненосца, укрытые по бортамъ стальными щитами. Это были, очевидно, развѣдчики...

— Осторожные, дьяволы, — прошепталъ вахмистръ Еремевко. — По занятой ими рѣкѣ плывутъ, и то, гляди, какую опаску блюдутъ. Плывутъ съ дозорными, каждый поворотъ обслѣдуютъ. Какъ бы еще не открыли наше загражденіе!

Моторныя лодки шли полнымъ ходомъ. За ними въ верстѣ тихо плыли шесть длинныхъ плотовъ. Плоты сильно были нагружены ящиками, мѣшками. Сверху все прикрыто большими брезентами. Посреди каждаго плота стояли домики. Около этихъ домиковъ видѣлись маленькія кучки солдатъ. Солдаты курили, читали газеты, чинили бѣлье. Нѣкоторые, слышно было, по двое-трое напѣвали полупросебя.

Впереди каждаго плота шель довольно большой буксирный катеръ очень странной формы. Сзади всей рѣчной флотиліи, какъ мальчишки за полкомъ солдатъ на улицѣ, вертѣлись три маленькія лодочки.

Передовыя моторныя лодки, шедшія полнымъ ходомъ, набѣжавъ на колья загражденія, съ разбѣга проскочили, чуть только подпрыгнули. Шлыли онѣ серединою рѣчки.

— Осторожнѣе здѣсь!—крикнули съ лодокъ назадъ, въ сторону плотовъ. — Возьмите ближе къ берегу. Кажется, коряга на днѣ.

Крикнула, придержавъ ходъ, — и снова бойко впередъ. Стали подходить плоты. Драгуны затаили дыханіе. Хорошо видятъ сквозь кусты даже лица нѣмцевъ на буксирѣ и на первомъ плоту. Ближе и ближе. Минута, другая, третья, — трахъ! — первый буксиръ наѣхалъ на колья и застрялъ. Плотъ надвинулся на своего вожатаго и еще сильнѣе прижалъ его къ кольямъ. Второй буксиръ налетѣлъ на неожиданно остановившійся передній плотъ и съ размаху наповину выскочилъ на него. Второй плотъ за нимъ повернуло водою къ самому берегу. Туда же стало заворачивать и первый плотъ съ буксиромъ на немъ верхомъ. Получился чуть не мостъ черезъ рѣчку. Солдаты на плотѣхъ засуетились, какъ муравьи. Послышались крики. Кто-то громко командовалъ заднимъ плотамъ и буксирамъ:

— Стой на мѣстѣ! Не насѣдать!

Драгуны открыли огонь. Изъ ружей стрѣляли по плотамъ внизу у берега, а изъ пулеметовъ били по катерамъ, дальнимъ плотамъ и ушедшимъ впередъ моторнымъ лодкамъ.

Нѣмцы мигомъ попрятались къ каяты и оттуда открыли по берегу жестокой огонь, но наши лежали надъ самою кручею за укрытіемъ, и нѣмецкія пули летѣли черезъ головы, — никто не былъ и раненъ.

Тѣмъ временемъ часть драгунъ, человекъ десять, облила версояномъ и смолою заготовленные паклю, рогожи, тряпье, соломѣ и хворостъ и принялась кидать съ берега на представшіе почти вплотную плоты. Нѣмцы сунулись тушить, — ихъ уложили огнемъ сверху. Снова попрятались и начали оуще стрѣлять.

Четыре заднихъ катера-буксира не потерялись. Отдали канаты, каждый обошелъ свой плотъ, зацѣпилъ его съ той стороны, и потянули ихъ вверхъ, назадъ, откуда шли. Наши въ догонку по нимъ изъ пулеметовъ. Равно и по тѣмъ лодчонкамъ, что шли сзади. Двѣ изъ нихъ потонули, третья удрала.

Наши драгуны сосредоточили огонь по двумъ застрявшимъ плотамъ и ихъ буксирамъ. На плотамъ уже начался пожаръ. Тогда нѣмцы, несмотря на частый огонь сверху, кинулись въ воду, и кто вплавь, кто въ бродъ лѣзали къ заднему буксиру, тащили его съ плота въ воду. Наши били по нимъ, а они даже и не отстрѣливались. Слышны были только общіе крики:

— Шнеллеръ, шнеллеръ, шнеллеръ! (скорѣе, скорѣе, скорѣе).

Наши драгуны не понимали, почему нѣмцы кинули первый буксиръ, гдѣ за стальными щитами была такая надежная защита. У второго же буксира нѣмцы валились отъ драгунскихъ пуль, но торопились лишь стащить его съ плота. Наконецъ, какъ-то спихнули, отрубили канаты отъ плота, вскочили на буксиръ и кинулись, очертя голову, къ противоположному берегу, прямо въ вязкую топь. Тутъ на первомъ плоту изъ-подъ брезента вспыхнуло яркое голубое пламя, что-то страшно треснуло, грохнуло, и на драгуновъ сверху за укрытіями посыпались обломки дерева, куски желѣза, еще чего-то. Троекъ ранило, одному довольно сильно пробило голову. Здорово хватило и командира по горбу концомъ упавшей балки.

Когда дымъ взрыва разсѣялся, то первый катеръ и плота не существовало. Второю плотъ былъ полуразбитъ и прибитъ къ берегу драгунъ, а катеръ, что выскочилъ на топь, лежалъ вверхъ дномъ.

Съ плота у нашего берега 8 нѣмцевъ кричали нашимъ и махали платками:

— Сдаемся!

Наши спустились къ нимъ и помогли залить пожаръ на носу плота. Будка на плоту была размѣромъ 4 на 7 аршинъ. Въ стѣнахъ ея были продѣланы бойницы. Снаружи она обложена мѣшками земли. Внутри было полно ящиками съ патронами.

По краямъ плота было забрано досками въ видѣ забора, въ три четверти аршина высоты. Подлѣ этого забора, по краямъ плота, лежали ящики съ галетами, съ консервами, съ кофе, съ бобами, нѣскольکو бочекъ спирта, баки съ керосиномъ, масломъ для самоходовъ и съ бензиномъ. Между рядами этихъ ящиковъ и мѣшками земли вокругъ каюты оставался проходъ аршина въ полтора ширины. Онъ напоминалъ собою траншею.

Наши подтащили спрятанныя ими подъ берегомъ плоскодонныя латорскія лодки и, сѣвъ въ нихъ, паправились къ опрокинутому катеру на другомъ берегу. Изъ-за него подвялись и сдались еще 11 солдатъ.

Небольшой, но сильный рѣчной катеръ былъ весь бронированъ. Въ носовой части каюты стояли два пулемета и при нихъ большой запасъ патроновъ. Цѣлая груда разстрѣлянныхъ уже патроновъ валялась тутъ же, скагившись при взрывѣ въ дальній уголъ. Правый бокъ катера былъ сильно вдавленъ взрывомъ.

Изъ носовой части каюты шла лѣсопка наверхъ, гдѣ, въ броневой башенкѣ, оказалась большая стойка картъ полѣскаго театра войны. На этихъ картахъ подробно были вычерчены рѣки, рѣчки, лѣсныя протоки и малѣйшіе ручьи Полѣсья. Нѣкоторыя рѣки и рѣчки и протоки были подчеркнуты красными точками. По нимъ, какъ объяснилъ нѣмецъ-рулевой, можно было установить провозъ съѣстныхъ припасовъ, патроновъ, пулеметовъ и даже снарядовъ, о чемъ нѣмцы думали задолго до войны. Это лишній разъ заставляеть насъ понять и помнить, что многіе общепринятыя и, казалось, такіе незыблемые пріемы войны теперь должны быть откинута и замѣнены совершенно новыми, прежде, казалось, невозможными.

Предвидя, что нѣмцы, вернувшись къ своимъ, придутъ сюда тотчасъ съ большими подкрѣпленіями, наши драгуны не стали медлить на мѣстѣ. Забравъ, сколько могли, карты, бинокли, самобойныя ружья, кофе, шоколадъ, печенья, консервы, драгуны взорвали катеръ и плоты мелничными шашками, а сами лѣсными тропами, какъ пробирались и сюда, вернулись на стоянку, чтобы дать и людямъ, и конямъ заслуженный отдыхъ послѣ почти недѣльной прогулки въ германскомъ тылу.

7 юня. Удивительно, какъ изощряются русскіе нѣмцелюбы: одни подъ видомъ промышленныхъ предпріятій, другіе подъ видомъ публициста, третьи издатели газеты, всѣ они мѣняютъ свою совѣсть и русскіе лицо за личное золото. Явилась гермавофильствующая газета „День“.

которая явно или обходомъ защищаетъ германскіе интересы, явился публицистъ, который подъ видомъ безпристрастія, несовершенство нашихъ курортовъ жадно защищаетъ нѣмецкія минеральныя воды (между прочимъ Вильдунгенъ) и обливаетъ грязью наши воды. Такихъ господъ на Руси великое множество.

„Русскія Вѣдомости“ сообщаютъ объ организаціи нѣмцами отдѣльнаго корпуса иностранныхъ корреспондентовъ ¹⁾:

„Германія нуждается послѣ войны въ новомъ типѣ иностраннаго корреспондента“,—говоритъ „Tägliche Rundschau“. Газета предвидитъ, что послѣ войны германскіе иностранные корреспонденты будутъ встрѣчены въ союзныхъ странахъ не съ распростертыми объятіями; но тѣмъ не менѣе они должны неустанно думать о миссіи, возложенной на нихъ. Первой обязанностью корреспондентовъ будетъ собирать тѣ свѣдѣнія, которыя не передаются телеграфными агентствами, т. е. тѣ свѣдѣнія, циркуляція которыхъ въ Германіи нежелательна для союзныхъ государствъ. Въ особенности это относится къ промышленной войнѣ, которая начнется послѣ заключенія мира. Германскіе иностранные корреспонденты должны будутъ сообразоваться съ тѣмъ, что „каждый нѣмецъ, живущій въ томъ же государствѣ, гдѣ они являются естественнымъ союзникомъ, отъ котораго можно получить много важныхъ свѣдѣній относительно настроенія населенія въ Германіи“. „Война укрѣпила во всѣхъ классахъ германскаго народа сознаніе единства, вслѣдствіе этого германскіе иностранные корреспонденты будутъ искать въ своихъ соотечественникахъ естественныхъ помощниковъ“. „Корреспонденты и члены нѣмецкихъ колоній въ другихъ государствахъ должны работать рука объ руку“. Рекомендуются завести знакомства среди литераторовъ и публицистовъ для того, чтобы узнавать отъ нихъ факты, полезныя для германскихъ промышленниковъ. При обширныхъ знакомствахъ среди литераторовъ нѣмецкимъ иностраннымъ корреспондентамъ будетъ возможно „помѣщать въ иностранныхъ газетахъ статьи, проводящія германскіе взгляды“. Правда, нѣкоторыя иностранныя газеты будутъ систематически отклонять такія статьи, но при обширномъ знакомствѣ члены „отдѣльнаго корпуса“ наконецъ проникнутъ въ періодическую печать.

¹⁾ „Нов. Вр“. 7-го июня с. г.

„Scientific American“ въ Вашингтонѣ увѣряетъ, что союзники потопили 127 подводныхъ лодокъ у австро-германцевъ, и что въ моментъ, когда Германія уступила С.-А. С. Штатамъ въ вопросѣ о подводныхъ лодкахъ, правительство принуждено было заявить въ секретномъ засѣданіи рейхстага, что необходимо прекратить подводную войну, такъ какъ Германія не располагаетъ достаточнымъ количествомъ лодокъ.

Г. Пенчковскій представляетъ яркую картину современнаго ночного боя на юго-западномъ фронтѣ ¹⁾.

Нѣскольконедневный бой въ районѣ деревень В., Ц. и Г. окончился въ нашу пользу: австрійцы отступаютъ, деревни взяты нашими войсками. Потерь немало, но усиѣхъ далеко ихъ преваошеть.

Упорству нашего натиска враги противопоставили, помимо упорства обороны, естественную неприступность позиціи и идеальное техническое оборудованіе своихъ укрѣпленій.

И на этотъ разъ приходится отмѣтить, что наши войска сдѣлали невозможное. Они ни на секунду не дрогнули и во многихъ мѣстахъ двигались впередъ буквально на плечахъ врага.

Ночной бой, который я хочу, хотя бы приблизительно, описать, происходилъ за обладаніе вышеуказанными деревнями.

Эти мѣста мнѣ хорошо извѣстны еще по прошлому году. Представьте себѣ сильно пересѣченную мѣстность съ господствующей надъ ней грядою холмовъ, по гребню которыхъ протянулись ряды неприятельскихъ траншей, въ полномъ смыслѣ опутанныхъ колючей проволокой. Мѣстами число рядовъ загражденій передъ первымъ окопомъ достигало четырнадцати. Роши и перелѣски на склонѣ холмовъ превратились въ непроходимые завалы съ торчащими заостренными концами обрубленныхъ сучьевъ, толстыхъ буковъ, дубовъ и другихъ деревьевъ. Этого мало. Три ряда окоповъ оказались превосходными земляными городками, устроенными на глубинѣ до трехъ сажень, съ примѣненіемъ не только всѣхъ новѣйшихъ техническихъ усовершенствованій, но и требованій комфорта, въ родѣ уютныхъ

¹⁾ „Нов. Вр“ 7 июня.

офицерскихъ землянокъ съ мягкой мебелью, хорошо обставленными офицерскими собраніями, столовыми для солдатъ, умывальными и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдены походныя окопныя лавочки, водопроводы и даже на скрещиваніяхъ ходовъ сообщенія и траншей бочки съ квасомъ.

Говорить о перекрытіяхъ изъ толстыхъ бревенъ, бетонированныхъ потолкахъ и стѣнахъ, блиндированныхъ укрытіяхъ для пулеметовъ и стрѣлковъ не приходится.

Непріятельскія батареи помѣщались подъ землей, въ крытыхъ бетонныхъ окопахъ и совершенно укрыто отъ глазъ водушныхъ наблюдателей.

Удобство сообщеній въ трехъ рядахъ траншей было обезпечено частыми извилистыми ходами сообщеній, съ крышами изъ солидныхъ бревенъ, засыпанныхъ землей и дерномъ. Каждый рядъ окоповъ во избѣжаніе всякихъ случайностей отдѣлялся другъ отъ друга по поверхности земли паутиной изъ проводочныхъ загражденій.

Наши позиціи, хотя и сильно укрѣпленныя, находились въ худшихъ условіяхъ по сравненію съ господствующими надъ ними непріятельскими. Онѣ занимали болѣе низкіе холмы, а частично и болотистый берегъ Серета.

Началось наше наступленіе.

Орудійный огонь вскорѣ принялъ ураганный характеръ. Страшная паутина проводочныхъ загражденій подъ ударами снарядовъ разметывалась въ стороны, столбы превращались въ щепки и смѣшивались съ землей. Параллельная работа тяжелыхъ батарей дѣлала свое губительное дѣло, уничтожая непріятельскіе окопы и прикрытія, на мѣстѣ которыхъ оставались обломки, вспаханная почва и дымящаяся свѣжей землей глубокія воронки.

Враги смѣшались, не выдержали такого огня.

Произошла паника, люди метались, какъ во время пожара, по окопамъ, перебѣгали по ходамъ сообщеній изъ одной линіи въ другую, но напрасно; снаряды настигали ихъ, ложились правильными рядами и спастись было нельзя.

Насколько растерялись враги, можно судить уже потому, что мѣстами отдѣльныя воинскія части не вывели нашего урагана и цѣлыми ротами выходили, ища спасенія, на поверхность земли. Здѣсь ихъ сметалъ сосредоточенный огонь пулеметовъ и винтовокъ...

И засталъ послѣдній актъ великой трагедіи.

Начинало темнѣть.

За двадцать верстъ съ ближайшаго пригорка уже виденъ горизонтъ, окутанный дымомъ, разрывами сварадовъ, и несется сплошной рокошующей гуль.

Съ каждымъ поворотомъ колеса автомобиля по вновь продѣланному шляху мы ближе и ближе къ творимому людьми аду.

Стало совсѣмъ темно, автомобиль остановился, и передъ глазами то, чего забыть нельзя.

Низко нависшія грозовыя тучи съ рѣдкими просвѣтами усугубляли необыкновенно величественную, но вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно страшную картину. Все существо охватываетъ жуть: какъ бы уходишь изъ міра, перестаешь вѣрить въ существованіе людей, зазваченныхъ неумолимой стихіей.

Небо горитъ сплошнымъ заревомъ. Разрывы шрапнелей окрашиваютъ тучи въ пурпурно-красный цвѣтъ, мѣстами затянутой въ зловѣщую, постепенно рѣдѣющую, завѣсу порохового дыма.

Вы наблюдаете, какъ разорвалась краснымъ огнемъ шрапнель, за ней другая, третья и такъ безъ счета; глаза устали, перестаютъ отличать отдѣльные огни, ихъ смѣняютъ ломанья линіи, зигзаги, на подобіе молній, а то просто клубки огня со щупальцами или крыльями дыма въ сторону.

На-ряду съ ними въ воздухѣ висятъ ярко-бѣлые серебристыя шары-ракеты, совсѣмъ какъ электрическіе фонари на улицахъ большого города. Не успеваютъ потухнуть одна, исчезнуть безъ малѣйшаго слѣда, на мѣсто ея появляются сразу три, четыре, образуютъ правильныя линіи вдоль всего фронта, направо и налево, насколько видитъ глазъ, и теряются за горизонтомъ.

Одновременно десятка три прожекторовъ скользятъ по небу, тучамъ, рѣжутъ воздухъ, мечутся изъ стороны въ сторону, устраивая сплошную свѣтовую пляску и мѣшаясь съ отдѣльными полосами свѣтовыхъ сигналовъ.

Мнѣ думаю, знаменитыя елизаветинскіе „фейерверки и иллюминаціи“ показались бы ничтожествомъ по сравненію съ той массой свѣта разнородныхъ оттѣнковъ, сноповъ искръ, огней и отдѣльныхъ эффектовъ, которые даетъ картина современнаго ночного боя.

Изъ-за лѣснаго пригорка поднимается столбъ огня, разсыпаются въ пространство искры, клубы чернаго дыма

вадымаются вверхъ, и пожаръ почему-то распространяется влѣво, противъ вѣтра.

Могучая, чарующая, но, повторяю, страшная красота!

Изъ оцѣпенѣнія выводитъ адскій гулъ, грохотъ, свистъ летящихъ по всѣмъ направленіямъ снарядовъ и отдаленныя раскаты, какъ протяжное—а-а-ахъ, несутся по холмамъ, перекатываются по балкамъ и замираютъ со стономъ, какъ бы застревая, въ лѣсахъ, заросляхъ и придорожныхъ деревьяхъ. Раскаты-то и напоминаютъ, что страшное, непреодолимое достигло своей цѣли и принесло съ собой ужасъ.

Оно такъ и было на самомъ дѣлѣ. Объ этомъ говорятъ груды человѣческихъ тѣлъ, разрушенныя укрѣпленія и тѣ сотни и тысячи обезумѣвшихъ плѣнныхъ, которыхъ отыскивали въ подземныхъ казематахъ, скрючившихся, сидящихъ на корточкахъ и ожидавшихъ своей страшной участи.

Противъ страшнаго натиска нашихъ войскъ противостоять было трудно, и линіи укрѣпленій мало по малу начали переходить къ намъ.

Теперь первыя линіи, самыя укрѣпленныя, почти неприступныя—наши.

А вотъ и виновники кроваваго торжества, только-что вышедшіе изъ самаго пекла. Ихъ везутъ въ санитарныхъ повозкахъ и двуколкахъ на перевязочный пунктъ и дальше въ тылъ. Въ темнотѣ колышутся холщевые верхи, мигаютъ по бокамъ повозокъ фонари съ красными крестами, и изъ-подъ холщевыхъ пологовъ выглядываютъ уставшія лица недавнихъ бойцовъ.

Поговорите съ ними и вы услышите отъ каждаго одно—восхищеніе передъ работой артиллеріи.

— Помогла, голубушка.

— Не взять бы, коли бы не разгромила артиллерія ихнихъ позицій.

— Долбили, долбили, въ кашу превратили ихъ позиціи, наступали по горячимъ осколкамъ.

— Два года на войнѣ, а такого огня и съ ихъ стороны не бывало.

— Только тамъ въ цѣпи можно было понять и оцѣнить работу нашей артиллеріи, молиться на нее нужно...

Передаютъ это вамъ больные люди, а у самихъ глаза загораются довольнымъ фосфорическимъ блескомъ.

Объ успѣхахъ и трофеяхъ, десяткахъ тысячъ плѣнныхъ вы знаете изъ сообщеній штаба.

Отмѣчу только одно характерное явленіе настоящихъ

боевъ. Нашъ успѣхъ замѣчательнѣе тѣмъ, что мы не имѣемъ дѣла съ чистыми австрійцами, которыхъ почему-то считаютъ плохимъ войскомъ, хотя и совершенно невѣрно.

Противъ насъ сейчасъ работаютъ отборныя войска, состоящія главнымъ образомъ изъ нѣмцевъ и венгровъ“.

Передаютъ, что начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба Гетцендорфъ отставленъ отъ должности за наши галиційскія побѣды.

8 июня. Свѣдущіе люди передаютъ, что успѣхъ подиски на военный заемъ превзошелъ всѣ ожиданія. Народъ съ рѣдкимъ сочувствіемъ откликнулся на призывъ государства.

Официозная софійская газета „Народное Право“ пишетъ: „Россія—главный очагъ всей европейской реакціи. Поэтому Россію необходимо навсегда уничтожить, ея гибель въ интересахъ европейскаго человѣческаго прогресса вообще, а прежде всего ея гибель въ болгарскихъ національных интересахъ... Поэтому Болгарія будетъ бороться съ Россіей и съ ея союзниками, кто бы они ни были, не на жизнь а на смерть“.

Еще одинъ изъ нашихъ полковыхъ батюшекъ ¹⁾.

Да, у насъ батюшка замѣчательный человѣкъ, — замѣчаетъ полковникъ.—Да вотъ посудите сами, какого вы совершеннаго человѣка имѣете въ лицѣ отца Онуфрія Рябухи. Какъ понимаетъ свой долгъ отецъ Онуфрій, расскажу коротко. Нашъ батюшка всегда съ полкомъ. Идетъ полкъ походомъ, пастырь его идетъ впереди, и непременно пѣшкомъ. Тысячи верстъ прошелъ полкъ въ своихъ безконечныхъ походахъ, маневрахъ, въ бою, и онъ съ нимъ. Пришелъ полкъ на позицію. Всѣ устали. Усталъ и отецъ Онуфрій, посѣрѣлъ весь. Отдохнуть бы,—нѣтъ! Батюшка идетъ въ окопы, благословляетъ стрѣлковъ на подвигъ. Дальше, заглядываетъ въ заставы. Вотъ ночью разгорѣлась перестрѣлка. Батюшка уже тамъ. Да вотъ вамъ

¹⁾ „Новое Время“ № 14459 с. г.

этой несною на Двинѣ шель ледъ. Островокъ, занятый нашей полуротою, оказался отъ насъ отрѣзаннымъ широкою полосою воды, по которой стремительно неслись льдины. Къ нѣмецкой же сторонѣ между островкомъ и берегомъ образовался заторъ. Прямое сообщеніе съ берегомъ. Бѣда! Полурота въ опасности быть перебитой или захваченной германцами въ плѣнъ. Ужъ ночь на дворѣ. Мысль о людяхъ на островкѣ мучить. Батюшка вопросительно поглядываетъ на насъ всѣхъ, особенно долго всматривается въ меня, ожидая отъ меня какихъ-либо распоряженій, которыя могли бы выручить застрявшихъ на островкѣ молодцовъ. Сквозь шумъ вѣтра и идущей волны слышны выстрѣлы винтовокъ. Полуроту обстрѣливаютъ, отстрѣливается и она.

— Одна надежда на васъ, батюшка, — говорю отцу Онуфрию, подчеркивая полную невозможность помочь сейчасъ нашимъ ребятамъ на островкѣ.

Спустя въ некоторое время мы замѣтили, что батя среди насъ нѣтъ. Гдѣ, что? Нигдѣ нѣтъ. Ночь была мутная, дулъ вѣтеръ съ дождемъ. Такъ вотъ вамъ, нашъ батюшка, надѣвъ епитрахиль, съ крестомъ пошелъ на берегъ Двины. Противъ островка, стоя у самаго края воды, — служилъ молебень, о спасеніи рабовъ Божіихъ воиновъ, въ утѣсеніи находящихся. Пули, перелетая черезъ островокъ, пронизывали темноту ночи надъ нимъ, чиркали по мокрому песку у ногъ его. Разсвѣло. На островкѣ увидали батюшку, стоявшаго на берегу. Вѣтеръ трепалъ его намокшую одежду, развѣвалъ пряди волосъ. Рука его съ крестомъ не уставала благословлять небольшую кучку солдатъ, залегшихъ на островкѣ. Стрѣлки крестятся, лишь одинъ лежитъ, не шевелится. Зоркіе глаза отца Онуфрія, видѣвшіе тысячи смертей, замѣчаютъ убитаго. Онъ отиѣваетъ его. Осторожно полулежа, копаютъ товарищи ему могилу и, приподнявъ трупъ на рукахъ, показываютъ его отцу Онуфрию. Благословляетъ онъ павшаго крестомъ, раздѣленный отъ нихъ бурно несущею груды льда мутною Двиною. И, ставъ на колѣни, поетъ ему „вѣчная память“. Такаютъ выстрѣлы, визжатъ пули въ воздухъ. Ледъ прошелъ. Команду перевезли на берегъ благополучно. Батюшка повялъ мои слова такъ, какъ онъ и могъ ихъ понять. Помочь имъ могъ только Богъ, и онъ пошелъ просить Его о томъ. Были у насъ горячія дѣла. Бывало, молодцы, необстрѣляемые пополченія не выдерживали, поворачивали. Предъ ними выросталъ отецъ Онуфрій. Въ епитрахили, съ крестомъ въ

рукъ, онъ ободрялъ ихъ и, ободривши, велъ ихъ обратно на свои мѣста. Какъ-то нужна была наша контръ-атака на бѣшено насѣдавшаго врага, и тутъ отецъ Онуфрій, высоко поднявъ крестъ, громкимъ голосомъ, покрывавшимъ весь шумъ боя, зоветъ: „Съ Богомъ впередъ“.

— Вотъ вамъ обликъ нашего батюшки, отца Онуфрія Рябухи,—заканчиваетъ полковникъ.

Я рассматриваю переданную мнѣ однимъ изъ офицеровъ фотографическую карточку священника. Строгое, хорошее лицо.

Великую силу черпаетъ духъ воина въ минуту смертельнаго боя, взглянувъ на крестъ, символъ Того, Кто животъ положилъ за други своя, за все человѣчество. Въ совершающемся вокругъ него аду ярко блеснетъ мысль: Богъ со мною. Велика заслуга полкового священника, не оставляющаго вѣренныхъ его духовному попеченію солдатъ, дѣлящаго съ ними всѣ труды боевые и славную смерть, если это будетъ нужно.

„Вечернее Время“ передаетъ планы враговъ внутреннихъ такъ ¹⁾:

За моей спиной въ вагонѣ нѣкто въ порывѣ откровенности укорялъ своего пріятеля.

— Самъ кайся, голубчикъ... Предлагалъ тебѣ въ долю,—не соглашался,—теперь и сиди на бобахъ...

— Не хотѣлось мелочами заниматься...

— Хорошія мелочи, по семь—восемь тысячъ въ день кладу. Каждое утро кипа накладныхъ... И склада заводить не приходится,—одни почтовые расходы.

— А если агенты подведутъ...—пробоваль найти утѣшеніе обойденный.—Тогда тебѣ не сдобровать...

— Чего добровать; торговые обороты, а донесутъ, сами первые въ кутузкѣ очутятся.

— Сколько же этого мыла скушилъ?

— Сколько, не знаю. Все, что было въ кускахъ; по всѣмъ крупнымъ магазинамъ требованія разослалъ...

— Ну, а процентикъ?

— Тоже не знаю... Самъ грамотный—разочти: кусокъ „душистаго“, который за двѣнадцать копѣекъ продавали,—у меня сорокъ, которые по тридцати были—рубль десять...

¹⁾ „Веч. Вр.“ 8 июня с. г.

И довольный оставленнымъ впечатлѣніемъ „удачникъ“ подщелкнулъ отъ удовольствія языкомъ.

— Процентикъ совсѣмъ маленькій...

Я не видалъ лицъ разговаривавшихъ, но, судя по голосу,—обыкновенные гешефтмаеры.

Имъ совершенно безразлично—когда и на чемъ заработать, что скупить, на что повышать цѣны, а о послѣдствіяхъ интересуются только при подсчетѣ своихъ барышей.

Въ этомъ для нихъ „всѣ послѣдствія“.

Она вѣроятно и мыло-то, которое скупилъ, въ глаза не видалъ. Просто подстерегъ,—что подходитъ къ концу—и „сыгралъ“.

— На мыло, такъ на мыло,—не все ли равно.

Что гдѣ-то какого-то миллионера въ кутузку посадили, что открыли на складѣ спрятанный товаръ,—его не касается. Мало что дѣлается на свѣтѣ: за всѣмъ не угонишься.

— Всѣхъ не пересажаешь... и на этой мысли симпатичнѣйшей „комбинаторъ“ успокаивается, до подысканія новаго подходящаго товарца.

Обычный скупщикъ.

А есть и другого сорта операціи.

Прежде чѣмъ скупать товаръ, „скупаютъ подходящаго молодца“.

Къ дому на Обводномъ подъѣзжаютъ два интеллигента. Новые люди—у нихъ кооперативъ въ пригородѣ. Осматриваются.

— Почему нѣтъ вывѣски?.. Вѣрно, не туда попали...

— Спроси у дворника.

Спрашиваютъ.

— Тутъ оптовый складъ муки и крупы?

— Никакихъ у насъ складовъ нѣтъ.

— Вѣрно, ошиблись... Посмотрите-ка на записку.

Пробѣгаютъ по запискѣ съ печатью. Все правильно.

Называютъ дворнику фамилію „оптовика“.

— Такъ бы и говорили...

Дворникъ презрительно улыбается и тычетъ пальцемъ.

— На второмъ дворѣ... въ подвалѣ...

Пріѣхавшіе за мукой въ полномъ недоумѣніи. Разыскиваютъ подвалъ.

— Кто ихъ купцовъ знаетъ! можетъ, и дѣйствительно оптовикъ съ придурью:—въ подвалѣ живетъ.

Спускаются по грязной лѣстницѣ въ низокъ. Стучатся. Встрѣчаютъ отборное ругательство:

— Шлятся днемъ и ночью.. Черти окаянныя... Кого вамъ?

— Мы за мукой... Намъ оптовика Уступова...

— Идола моего... Со вчерашняго дня не возвращался: вѣрно, опять въ холмушахъ ханжой обожрался...

Новые люди ничего не понимаютъ.

Подвалъ, оптовикъ, ругающаяся баба... А въ рукахъ бумажка съ фамиліей оптовика и просьбой отпустить столько-то пудовъ муки и крупы для потребительскаго общества.

Идутъ за разъясненіемъ въ домовую контору и получаютъ справку, что „оптовикъ“ снимаетъ за три рубля уголь и безпробудно тянетъ ханжу.

— А торговля?

— За него другіе торгуютъ, смѣется дворникъ.. Не вы первые сюда приходите. Подставной „нашъ“,—поняли?..

Поняли...

— А какъ же бумажка съ приказомъ на муку?..

Это уже другой сортъ операцій.

* * *

Если со скупщиками бороться трудно, и они мало уязвимы, то подставныхъ мукомоловъ и оптовиковъ обнаружить совсѣмъ легко. Надо только провѣрять, кто эти господа, не довольствуясь донесеніями мелкихъ агентовъ.

Въ городскихъ кругахъ поднятъ вопросъ о развитіи городскихъ санитарныхъ попечительствъ, которыя теперь могутъ сыграть особую роль въ виду борьбы съ квартирной нуждой, дороговизной жизни и неизбежными съ нуждой заболѣваніями.

9 іюня. Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ напечатаны письма покойнаго профессора Московской духовной академіи П. С. Казанскаго къ его родному брату, и въ нихъ есть много интереснаго о состояніи тогдашняго Прибалтійскаго края, которымъ тогда, въ 1865 году, правилъ гр. Петръ Андреевичъ Шуваловъ, а рижскимъ архіепископомъ былъ Платонъ, энергично трудившійся для пользы православія.

Генералъ-губернаторъ „просилъ Платона не печатать письма противъ пастора Добнера“, а владыка поступилъ

по вѣтвѣю своего пастырскаго долга—и пострадалъ: ему предписано было выѣхать немедленно къ мѣсту своего новаго служенія, миная Петроградъ и Москву—

Книга Ю. Самарина „Окраины Россіи“,—разоблачающая остзейскіе порядки, считалась самою революціонною и подверглась жесточайшему запрету.

Главнoначальствующій Нижегородской губерніи, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, постановилъ выслать изъ предѣловъ губерніи на все время охраны г-жу Рубцову, родственницу землевладѣлицы Рубцовой, имѣніе которой находится въ Ардатовскомъ уѣздѣ. Высылка послѣдовала за „чрезвычайно свисходительное отшеніе“ высылаемой къ военноплѣнному, присланному въ имѣніе Рубцовой на сельскохозяйственныя работы. По распоряженію высылаемой, этотъ военноплѣнный былъ назначенъ десятникомъ надъ русскими рабочими.

10 іюня. Въ Парижѣ состоялась между союзниками эвономическая конференція, имѣвшая цѣлью выработать данныя противъ эвономическаго засилія Германіи.

Кадеты и разныя деки хотѣли вплести еврейскій вопросъ въ крестьянскій, но это имъ не удалось. Дума голосовала противъ.

Великій шерифъ Мекки провозгласилъ независимой Аравію отъ Турціи.

11 іюня. Отношеніе къ плѣннымъ нѣмцамъ продолжаетъ быть по-прежнему позорнымъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ откармливаютъ на убой, дамочки съ ними флиртуютъ, они позволяютъ себѣ бвствовать и уклоняться отъ работъ. А въ то же время нашихъ плѣнныхъ пытаются на нихъ какъ на скотахъ работать, и они ввиду плохой пищи, медленно вымираютъ,

Умираеть изъ четырехъ одинъ. Неужели цельная пригрозить пагдому нѣмцу такъ, какъ это сдѣлали французы, и тѣмъ облегчить участь нашихъ несчастныхъ?

На городскихъ телефонахъ обращеніе съ барышнями г.г. Похвистнева и Пыляя заслуживаетъ самаго жестокаго осужденія.

Въ то самое время какъ у насъ борьба съ нѣмецкимъ насильемъ стоитъ на мертвой точкѣ, вотъ какое отношеніе къ нѣмцамъ во Франціи ¹⁾:

Министръ юстиціи внесъ въ парламентъ законопроектъ о предоставленіи судебнымъ властямъ права лишать послѣ состязательнаго процесса французской національности натурализованнаго иностранца, „сохраняющаго свою прежнюю національность“. Сохраняющимъ же прежнюю національность разсматривается каждый натурализованный иностранецъ, который послѣ натурализаціи, либо одинъ или нѣсколько разъ посѣщаль свою прежнюю родину, либо приобрѣлъ въ послѣдней собственности, либо принимаетъ участіе въ финансовыхъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ на своей прежней родинѣ, либо имѣеть тамъ постоянное мѣсто жительства, и если при всемъ этомъ относительно даннаго натурализованнаго иностранца существуютъ опредѣленные подозрѣнія въ сохраненіи имъ привязанности къ своей прежней родинѣ.

„Новое Время“ сообщаетъ ²⁾:

Екатеринославъ, 9 іюня. Губернаторъ отказалъ поддержать ходатайство губернской земской управы объ отпускѣ плѣнныхъ нѣмцевъ для сельскихъ работъ въ нѣмецкихъ экономіяхъ и просить главное управленіе генеральнаго штаба прислать турокъ.

12 іюня. Передаютъ ³⁾, что на совѣщаніи губернаторовъ противъ распущенности военноплѣнныхъ рѣшено предоста-
вить губернаторамъ по назначенію ареста военноплѣнныхъ права командира полка.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 11 іюня.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Новое Время“ 12 іюня.

Пароходъ „Меркурій“ погибъ отъ германской мины на Черномъ морѣ, проходившій вблизи пароходъ „Потемкинъ“ позорно бѣжалъ, въ то время какъ командиръ „Меркурія“ кричалъ пассажирамъ, чтобы они надѣвали брошенные имъ пояса. Капитанъ не зналъ, что на пароходѣ нѣтъ спасательныхъ поясовъ, а есть спасательные нагрудники. Пассажиры надѣвали ихъ какъ поясъ на животъ, и гибли, голова тяжелѣе и она перетягивала.

Вотъ какъ распредѣляются плѣнные, взятые въ Галицiйскихъ бояхъ ¹⁾:

Самая замѣчательная картина разворачивается на сортировочномъ пунктѣ для плѣнныхъ на станціи „Д.“.

Это—огромный австрiйскiй городъ.

Туда и оттуда тянутся безконечныя поѣзда, полныя синихъ фигуръ. На десяткахъ путей по насыпямъ и вездѣ вокругъ бродятъ тѣ же синiя фигуры,—это уже привыкшіе и служащіе здѣсь какъ рабочіе. Теперь они подходятъ къ поѣздамъ, спрашиваютъ, ищутъ земляковъ и знакомыхъ. Ихъ довольный и веселый видъ дѣйствуетъ успокаивающе на только-что прибывшихъ.

Черезъ пунктъ должны проходить все плѣнные юго-западнаго фронта, но, конечно, онъ рассчитанъ на нормальное количество, на 15—20 тысячъ человекъ,—теперь же тамъ творится нечто фантастическое. Плѣнныхъ тамъ стараются держать какъ можно меньше, 2—3 дня, но все-таки они скопляются въ неимоверномъ количествѣ. При чемъ надо отмѣтить еще одинъ интересный фактъ: дѣйствительное число плѣнныхъ, какъ устанавливаетъ окончательная регистрація, больше цифръ, приводимыхъ въ сообщенiяхъ Главнокомандующаго. Это происходитъ отъ того, что многія части не сообщаютъ о маленькихъ группахъ плѣнныхъ,—ну, такъ до 30-ти человекъ, а въ концѣ-концовъ, эти маленькія группы даютъ солидную цифру.

Распределительный пунктъ устроенъ образцово, съ изоляторомъ для заразныхъ и подозрительныхъ, съ госпиталемъ, кухнями и т. д., но теперь страшно перегруженъ.

Когда прибываетъ свѣжій эшелонъ плѣнныхъ, ихъ прежде всего обыскиваютъ, и что забавнѣе всего,—тоже австрiйцы, но уже служащіе при пунктѣ въ качествѣ рабочихъ. У плѣнныхъ отбираютъ индивидуальныя пакеты, ножи и т. п. вещи, оставляя все ихъ личное имущество. Подходятъ они на обыскъ въ порядкѣ, рядами. Затѣмъ

1) „Рус. Сл.“ 12 iюня.

идеть санитарный осмотръ, при чемъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ сейчасъ же отдѣляютъ. Наконецъ, регистрація. На каждаго плѣннаго составляется карточка. Она, прежде всего, нужна для самого плѣннаго, чтобы его родные могли его отыскать,—тамъ обозначены фамилія, имя, возрастъ, часть и т. д. Затѣмъ плѣнные сортируются по профессіямъ: слесаря пойдутъ на заводы, землекопы на однѣ работы, полевые рабочіе—на другія, и т. д.

Вся эта огромная толпа копошится за заборомъ лагеря: моются, чинятся, и т. д. Около крановъ съ водой невѣроятная давка, и дежурные солдаты совершенно безсильны установить порядокъ. Это пьютъ австрійцы.

Около кухонь стоятъ нѣсколько очередей синихъ и одна сѣрая. Въ первыхъ шумъ, гамъ, толкотня и беспорядокъ, который мѣшаетъ самимъ же голоднымъ добиться ѣды. Среди же сѣрыхъ людей съ красными околышами абсолютный порядокъ. Это—нѣмцы. У нихъ и въ плѣну все идетъ по командѣ, размѣренно и точно. Все въ порядкѣ, всѣмъ требованіямъ они подчиняются, но видъ у нихъ озлобленный и мрачный,—не то, что австрійцы, которые шутятъ и поютъ.

Германцевъ приходится строже стеречь,—охотно бѣгаютъ. Ихъ забрано тоже много въ плѣнъ,—я въ этомъ убѣдился собственными глазами,—такъ приблизительно $\frac{3}{10}$ — $\frac{1}{2}$ всѣхъ взятыхъ плѣнныхъ, ибо сѣвернѣй Луцка дерутся исключительно германцы.

Они сдаются неохотно... Недавно въ атакѣ стрѣлки налетѣли на офицера, который, разстрѣлявъ всѣ патроны въ револьверѣ, выхватилъ ножъ и бросился съ ножомъ; когда его вышибли у нѣмца, тотъ сталъ драться кулаками. Солдаты, не хотѣвшіе убивать храбреца, были вынуждены связать его, при чемъ говорили:

— Ай, да паря, такого и взять завятно.

Въ плѣну нѣмецкіе офицеры тоже держатся лучше австрійскихъ: если проходишь,—kozyряютъ, даже встаютъ и набѣгаютъ чего-либо просить.

Австрійцы толпятся, шумятъ, постоянно что-то просятъ. Правда, я ихъ видѣлъ сразу больше тысячи.

А вотъ прибылъ новый эшадонъ, при немъ полковникъ.

Онъ вытягивается передъ новымъ ему русскимъ начальствомъ и рапортуетъ:

— Прибылъ съ двадцатью пятью офицерами и однимъ

безъ бумагъ и одѣтымъ не по формѣ, намъ онъ неизвѣстенъ (eine unbekante Person).

— Отлично, для насъ онъ также будетъ неизвѣстнымъ.

— Такъ!—довольно объявляетъ оберсть,—а мы очень хотимъ ѣсть...—Его лицо, толстое, неинтеллигентное, типъ буфетчика, дѣлается просящимъ:—Мы съ утра ничего не ѣли.

— У васъ есть деньги?

— О, да!

— Выбирайте делегата, онъ пойдетъ съ двумя солдатами и купить, что можно.

— А нельзя ли чего горячаго?

— Къ ложалѣвнѣю, офицерскаго сегодня уже нѣтъ,—васъ прѣзжаетъ такъ много, что все съѣдено.

— Ну хоть что-нибудь горячее,—не отстаетъ полковникъ.

— Если хотите—солдатское.

— Gut, gut! Вы намъ дадите солдатское, и делегата купить.

13 июня. Приводимъ извлеченіе изъ письма раненаго нашего полковника о бояхъ на Волыни и Галиціи ¹⁾ и рассказъ плѣннаго австрійца:

Настроеніе арміи великолѣпное, независимо отъ успѣшнаго наступленія.

Всюду наблюдается спокойная увѣренность въ своихъ силахъ, въ коначномъ полномъ успѣхѣ.

Въ общей массѣ никакого утомленія или унынія совершенно не наблюдается; неизмѣнная бодрость царитъ во всѣхъ частяхъ, стоятъ ли онѣ въ окопахъ или въ резервѣ.

Къ наступленію готовились съ большимъ одушевленіемъ и дѣловитой серьезностью, взвѣшивая всѣ шансы за и противъ.

Удачное наступленіе въ значительной степени подняло духъ.

Мнѣ приходилось бесѣдовать со многими ранеными моего полка,—ни одной жалобы на страданіе, каждый полонъ сознанія, что принесенная имъ жертва нужна общему дѣлу, и что онъ, проливъ свою кровь, исполнилъ долгъ; каждый выражалъ горячее желаніе поскорѣй поправиться, чтобы вновь вернуться въ строй и вновь поработать для общаго

¹⁾ Русс. Слово* 13 июня.

святого дѣла; выражали лишь сожалѣніе, что рано равены. Встрѣчаемые по пути эшелоны съ пополненіями, идущими на позиціи, поражали своимъ одушевленіемъ; получалось впечатлѣніе, что люди рвутся въ бой.

Плѣнные одѣты въ большинствѣ хорошо, но имѣютъ изнуренный видъ; говорили, что 4 сутокъ не получали пищи; встрѣчались пьяные.

Мое глубокое, искреннее убѣжденіе, что при создавшемся обидіи снарядовъ, при извѣстной выдержкѣ, при наблюдающейся тщательной продуманности операцій и методичности ихъ исполненія никакія самыя сильныя позиціи противника не устоятъ.

Когда придетъ время, такъ же будутъ сломлены оборонительныя линіи германцевъ на любомъ фронтѣ.

Разсказъ плѣннаго австрійца.

Очень интересныя подробности передаетъ о нашемъ наступленіи на юго-западномъ фронтѣ одинъ изъ плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, находившійся въ передовыхъ окопахъ и, по его выраженію, чудомъ спасшійся отъ убійственного огня нашей артиллеріи.

— Нашъ „альпійскій“ отрядъ, состоявшій изъ хорватовъ, словянцевъ и тирольцевъ, стоялъ къ сѣверу отъ Черновицъ въ передовыхъ окопахъ, которые и подверглись всесокрушающему огню русской артиллеріи. Кстати могу сказать, что въ частности для нашего отряда русское наступленіе не было полной неожиданностью. Дѣло въ томъ, что одинъ инженеръ-хорватъ сконструировалъ беспроводный телефонъ и при помощи своего аппарата перехватывалъ телефонныя разговоры и приказы, передававшіеся русскимъ полкамъ, находившимся на передовой линіи. Именно приказъ объ открытіи артиллерійскаго огня по всей линіи былъ перехваченъ за два часа до перваго выстрѣла. Однако, мы не вѣрили въ серьезность этого приказа и не придавали ему никакого значенія, такъ какъ подобныя приказы издавались русскимъ штабомъ 2, 15, 18 и 25-го мая и 1-го іюня, и все-таки послѣ нихъ продолжало царить затишье. Согласно приказу, перехваченному нашимъ беспроводнымъ телефономъ, общее наступленіе было назначено на 5-е іюня, а, между тѣмъ, оно состоялось 4-го іюня.

Всѣ эти даты я называю по нашему календарю. Потомъ, повторяю, послѣдовалъ приказъ объ открытіи артиллерійскаго огня, и мы опять не повѣрили, но...

Австріецъ оборвалъ свой рассказъ, и лицо его перекопилось при воспоминаніи о пережитыхъ ужасахъ.

— Но мы ошиблись,—продолжалъ онъ.—Артиллерійскій огонь дѣйствительно начался, и съ такой силой, что, казалось, все рушится кругомъ насъ. Насъ сразу окружила огневая завѣса, сквозь которую никто не могъ пробиться. Не только мы, находившіеся въ передовой линіи, но и тѣ, кто стоялъ непосредственно позади насъ, и другіе, стоявшіе еще гораздо дальше, вплоть до того мѣста, куда доставала эта огневая завѣса,—всѣ мы находились въ какомъ-то аду, въ которомъ все бурлило, клокотало отъ страшныхъ разрывовъ. Люди падали, рушились окопы, взрывались наши мины и фугасы. Черезъ какой-нибудь часъ все было разметано, сравнено съ землей, но огонь не стихалъ, а, наоборотъ, дѣлался все сильнѣе и сильнѣе. Но вотъ онъ прекратился, и тронулась пѣхота. Словно волна катилась къ намъ. Послѣ этого страшнаго грохота орудій плавное и мощное „ура“ русскихъ солдатъ, доносившееся до нашихъ ушей, казалось еще страшнѣе, потому что уже надвигалась живая сила. А кругомъ насъ были только трупы, трупы и трупы... Изъ шести полковъ альпійскаго отряда почти ничего не осталось: двѣ трети погибло, а одна треть попала въ плѣнъ. Изъ пяти офицеровъ нашей роты остались въ живыхъ только командиръ-мадьяръ и я съ 16-ю солдатами. 230 солдатъ нашей роты погибли, а 14 пропали безъ вѣсти. Насколько былъ сокрушителенъ этотъ русскій налетъ,—видно еще изъ того, что именно здѣсь, на нашемъ фронтѣ, былъ взятъ въ плѣнъ одинъ нашъ генераль въ вѣстѣ со своей женой, которая только что пріѣхала навѣстить его. Онъ даже не могъ отправить жену въ ближайшій тылъ.

Относительно боевъ на остальномъ фронтѣ нашъ собесѣдникъ могъ сообщить лишь нѣкоторыя подробности объ участкѣ, непосредственно прилегавшемъ къ Черновицамъ.

— Вокругъ Черновицъ и вплоть до румынской границы стояли мадьяры, но у нихъ, пожалуй, было еще хуже, чѣмъ въ нашемъ альпійскомъ отрядѣ. Мои товарищи-офицеры, находившіеся въ этомъ секторѣ, рассказывали мнѣ, что они никогда не могли представить себѣ, чтобы могъ быть такой

ураганный огонь съ русской стороны, какой былъ у Черновицъ. Изъ ихъ разказа и разказовъ товарищей изъ районовъ Лупка и Дубны, а также изъ того, что я лично видѣлъ на нашемъ секторѣ, я вывожу заключеніе, что наши войска потеряли во время русскаго прорыва, и то только въ первые дни, одними убитыми отъ 250 до 300 тысячъ. Для насъ особенно чувствительны потери въ офицерскомъ составѣ. У насъ и такъ нѣтъ офицеровъ, а тѣ, что есть, — большей частью мальчишки 17—19-ти лѣтъ. Если русскія войска уже перешли Прутъ, — то наши войска не могутъ оказать имъ никакого сопротивленія вплоть до Карпатъ.

Можетъ-быть, я изнервничался и сталъ пессимистомъ, но я не вѣрю, чтобы мы, австрійцы, вышли побѣдителями изъ этой войны. Вѣдь, у насъ больше не осталось никакихъ резервовъ. Мы ваяли даже людей 53-лѣтняго возраста. Другое дѣло, если намъ помогутъ германцы, по хватить ли и у нихъ этой живой силы? Вѣдь, всему бываетъ предѣлъ...

При организаціи нашей промышленности на будущее время необходимо, чтобы всѣ отрасли одной промышленности были тѣсно слиты, чтобы фабрики, выдѣлывающія предметы, и заводы, доставляющіе готовый матеріалъ, находились рядомъ.

14 іюня. Корреспондентъ „Развѣдчика“ приводитъ мнѣніе боевого офицера о составѣ людей ¹⁾ на фронтѣ:

Пріѣхавшій къ сосѣдямъ молодой генералъ Р—съ З—чь дѣлится своимъ опытомъ почти двухгодичнаго пребыванія на фронтѣ въ должностяхъ командира полка и начальника штаба дивизіи.

— Фронтъ такъ интересенъ, что я во всю мою жизнь не встрѣчалъ такъ много интересныхъ людей, какъ за короткое время двухъ лѣтъ войны. Вѣдь все слабое, безвольное, больное ушло изъ арміи, устроившись въ тылу, а здѣсь остались лишь люди съ характеромъ, въ большинствѣ случаевъ смѣло смотрящіе смерти въ глаза.

Я говорю, разумѣется, лишь о кадровыхъ офицерахъ. А самая постоянная близость смерти обнаруживаетъ естественныя свойства каждаго, и человѣка видишь, каковъ онъ есть.

1) „Развѣдчикъ“ 1916 г. 14 іюня.

Вглядитесь въ передовой составъ арміи не только строевыхъ, но также врачей, чиновниковъ, священниковъ, сестеръ милосердія, уполномоченныхъ передовыхъ отрядовъ. Здѣсь теперь на-лицо цвѣтъ Россіи — лучшіе, самые способные, твердые представители всѣхъ классовъ населенія.

Подвижной, энергичный, боевой генералъ, не разъ водившій свой полкъ въ атаку, завладѣваетъ общимъ вниманіемъ, и передъ слушателями развертывается картина жизни передовыхъ частей съ характеристиками ихъ дѣятелей на различныхъ отрасляхъ службы. И въ мастерской обрисовкѣ во весь ростъ встаютъ, какъ живые, скромные представители передового состава арміи, выполняющаго свой тяжелый долгъ передъ Государемъ и родиной, не думая въ страшныя минуты, которыя имъ приходится переживать, объ отличіяхъ, и вспоминая о нихъ лишь въ минуты бездѣлья и скуки.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“ ¹⁾ такъ свидѣтельствуетъ о количествѣ забираемыхъ плѣнныхъ: Время-отъ-времени обгоняю колонны пѣхоты. Батальоны, полки, бригады, цѣлыя дивизіи, — все это течетъ и вливается мощнымъ потокомъ въ прорывъ, произведенный войсками первой линіи.

А навстрѣчу почти непрерывно идутъ сине-сѣрыя колонны плѣнныхъ. И трудно рѣшить, которыя больше: эти или тѣ, которыя я обгоняю?

15 іюня. „Новое Время“ ²⁾ сообщаетъ. „По распоряженію главнаго вачальника Одесскаго военнаго округа и генералъ-губернатора отъ 6 іюня, Екатеринославскій домовладѣлецъ, мировой судья 5 уч. Екатеринославскаго уѣзда, статскій совѣтникъ Е. Ф. Гудаловскій, за недопустимыя дѣйствія, направленныя къ самоуправному выселенію квартирантовъ, отказъ въ отдачѣ квартиры военному чину и повышеніе объявленной квартирной платы, — подвергнутъ штрафу въ 3.000 руб., а при неуплатѣ—высылкѣ административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ военнаго округа.

¹⁾ „Русское Слово“ 14 іюня с. г.

²⁾ „Новое Время“ 15 іюня с. г.

Петроградское телеграфное агентство передает изъ Макарьева: домовладѣлецъ Малоровъ, за самовольное безъ суда выселеніе квартиранта съ семьей и вещами, главноначальствующимъ подвергнутъ 3-мѣсячному тюремному заключенію.

Государственной Думой крестьяне уравнены въ правахъ съ другими сословіями.

Князь С. П. Мансуревъ выступилъ съ внѣ-очереднымъ заявленіемъ по вопросу о нѣмецкомъ засильѣ и о необходимости поставить этотъ вопросъ въ первую очередь.

Г. Курдюмовъ въ „Новомъ Времени“ указываетъ о значеніи Галиційскаго наступленія ¹⁾:

Несомнѣнно, ударъ генерала Брусилова явился тѣмъ оживляющимъ электрическимъ токомъ, который пробѣжалъ по всей линіи громаднаго русскаго фронта и зажегъ еще болѣе горячую силу въ рядахъ нашихъ войскъ. Эта сила постепенно накоплялась во время длительной и тягостной войны: подъ ударами хорошо подготовленнаго непріятеля формировалась, крѣпла и обучалась наша армія, въ борьбѣ обрѣтая опытность и возрастающую жажду побѣды. Я слышалъ мнѣніе и старыхъ знающихъ генераловъ, далекихъ отъ увлеченій, и кадровыхъ офицеровъ, продѣлавшихъ еще всю японскую кампанію, и общій голосъ ихъ былъ: приходится удивляться почти чудесному по своей быстротѣ преобразженію нашей арміи. Можетъ быть, мы дѣлали много ошибокъ, но ни одна не пропала даромъ—мы все время учились, неустанно брали кровавые уроки, и нельзя не вѣрить, что „русское войско, выкованное подъ огнемъ, не доведетъ этой войны до побѣднаго конца“.

Передаютъ интересный разсказъ, какъ на фронтѣ пѣли Дубинушку ²⁾.

„И затынетъ родную дубину“..

Даже на фронтѣ. Даже подъ обстрѣломъ.

У деревни Б. наша воздушная артиллерія блестяще подбила нѣмецкій аэропланъ.

¹⁾ „Новое Время“ 15 іюня с. г.

²⁾ „Рус. Сл.“, № 137 сего года.

Пилоту удалось, однако, болѣе или менѣе благополучно добраться до земли, но выборъ самаго мѣста „приземленія“ былъ уже внѣ его воли. И аппаратъ „ткнулся“ какъ разъ посрединѣ между нашими и непріятельскими проволочными загражденіями.

Пилотъ и наблюдатель счастливо бѣжали къ своимъ.

Среди поля одиноко и безпомощно лежала подстрѣленная стальная птица, и теперь сразу же возникъ вопросъ: чьей должна она быть добычей?

Кусокъ былъ слишкомъ лакомый, и поступиться имъ не желала ни та, ни другая сторона.

Началось состязаніе и въ храбрости, и въ ловкости, и въ хитрости, и въ силѣ.

Темной ночью наши смѣльчаки безшумно подползли къ аппарату, и вдругъ сюрпризъ: такіе же смѣльчаки нашлись и у врага.

Неожиданная встрѣча и кровавая возня вокругъ машины, а машина въ результатъ остается на мѣстѣ.

Ходили наши за „германомъ“ и ночью, и днемъ, но не дремали и вѣмцы: видимо, очень уже имъ не хотѣлось расстаться со своимъ дѣтищемъ,—встрѣчи и сѣватки безплодно длились цѣлую недѣлю.

И тѣхъ, и другихъ сталъ брать задоръ. Овладѣніе аппаратомъ стало какъ бы вопросомъ боевого самолюбія.

Нашимъ это состязаніе уже стоило двѣнадцати человекъ, вѣмцамъ—значительно дороже.

Наконецъ, земляки рѣшили дать послѣдній и рѣшительный бой. Съ великими предосторожностями подобрались они къ аппарату, привязали къ нему веревку и торжествующе вернулись къ себѣ. Теперь осталось лишь улучшить моментъ и тянуть,—вѣмецъ будетъ „накрытъ“.

Вотъ насталъ этотъ подходящий моментъ, земляки взялись за конецъ веревки, потянули,—ае тутъ-то было! Оказалось, что вѣмцы тоже не зѣвали и съ такою же удачей привязали къ аппарату веревку со своей стороны.

Наши тянутъ, тянутъ и вѣмцы. Пошло дѣло на то, кто кого перетянетъ.

Со смѣхомъ и шутками повысыпали изъ окоповъ земляки, какъ мути облѣпили веревку, кто-то затянулъ:

Эй, дубинушка, ухнемъ...

Подхватили остальные—и впервые, вѣроятно, надъ око-

нами заколыхалась пѣсня далекаго отсюда мирнаго трудового тыла.

И „родная дубина“ побѣдила,—наши перетянули.

16 июня. Изумительную комедию съ вопросомъ о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ творить въ Государственной Думѣ прогрессивный блокъ. Къ началу открытія сессіи Г. Думы проектъ былъ совершенно готовъ и разосланъ депутатамъ. Господа блокисты оттягивали всячески его разсмотрѣніе.

Увертки эти не дали никакого результата, и сегодня пришлось поставить вопросъ ребромъ. Произвести поименное голосованіе о постановкѣ къ разсмотрѣнію этого законопроекта.

Подсчетъ поданныхъ записокъ далъ слѣдующее: за постановку законопроекта о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія на повѣстку въ четвергъ высказалось 115 депутатовъ, противъ 86 депутатовъ; воздержалось отъ голосованія 16 депутатовъ. Отсутствовало въ залѣ засѣданія 195 депутатовъ, изъ которыхъ 94 находятся въ отпуску.

Сохранимъ для потомства имена тѣхъ депутатовъ, которые голосовали противъ разсмотрѣнія въ Государственной Думѣ въ настоящую сессію вопроса о нѣмецкомъ засильѣ:

Противъ голосовали: *Аджемовъ* (к.-д.), *Александровъ* (к.-д.), *Алмазовъ* (к.-д.), *Арефьевъ* (з.-о.), *Аристарховъ* (лѣв. окт.), *Ахтямовъ* (мусульм.), *Байтеряковъ* (мусульм.), *Барышниковъ* (прогр.), *Бомашъ* (к.-д.), *Бубликовъ* (прогр.), *Бурьяновъ* (безпарт.), *Велиховъ* (к.-д.), *Вершининъ* (труд.), *Винбергъ* (к.-д.), *Волковъ* (к.-д.), *Воронковъ* (к.-д.), *Вороновъ* (безпарт.), *Востротинъ* (к.-д.), *Гамовъ* (к. д.), *Гладышъ* (к.-д.), *Годневъ* (лѣв. окт.), *Грибунинъ* (прогр.), *Гутопъ* (к.-д.), *Джафаровъ* (мусульм.), *Дзюбинскій* (труд.), *Добровольскій* (к.-д.), *Дрибинцевъ* (з.-о.), *Евикеевъ* (мусульм.), *Ереминъ* (к.-д.), *Ефремовъ* (прогр.), *Ивановъ 1-й* (к.-д.), *Кабановъ* (к.-д.), *Калугинъ* (прогр.), *Капицъ 2-й* (з.-о.), *Кейписъ* (труд.), *Керенскій* (труд.), *Ключевъ* (лѣв. окт.), *Кривоноговъ* (прогр.), *Львовъ 2-й* (центр.), *Маклаковъ* (к.-д.), *кс. Мацѣвичъ* (польск. коло), *Мельгуновъ* (прогр.), *Миляковъ* (лѣв. окт.), *Некрасовъ* (к.-д.), *Николаевъ* (к.-д.), *Новиковъ 2-й* (к.-д.), *гр. Орловъ-Давыдовъ* (прогр.), *от. Остроумовъ* (з.-о.), *Охлябининъ* (з.-о.), *Павлиновъ* (прогр.), *Павкѣевъ* (к.-д.), *Пападжановъ* (к.-д.), *Пепеляевъ* (к.-д.), *Поздняковъ* (к.-д.), *Ржевскій* (прогр.), *Родзевичъ* (прогр.), *Родичевъ* (к.-д.), *Ростов-*

цевъ (з.-о.), Русановъ (труд.), Рысевъ (труд.), Рычковъ (безпарт.), Салазкинъ (к.-д.), Сверчковъ (центр.), Скобелевъ (с.-д.), Старлычановъ (труд.), Стемпковскій (з.-о.), Степановъ (к.-д.), Сувчинскій (нац.), Сухановъ (труд.), Таскинъ (к.-д.), Тевкелевъ (мусульм.), Тимиревъ (з.-о.), Тимофеевъ (к.-д.), Туляковъ (с.-д.), Тучковъ (лѣв. окт.), Филатовъ (прогр.), Франгуловъ (прогр.), Фридманъ (к.-д.), Хаустовъ (с.-д.), Хозловъ (з.-о.), Черносвитовъ 1-й (к.-д.), Черячукинъ (к.-д.), Шидловскій 1-й (лѣв. окт.), Шульгинъ (нац.), Эрнъ (к.-д.), Янушкевичъ (труд.).

Нелицеприятный судъ исторіи скажетъ впоследствии свое рѣшеніе этимъ господамъ.

17—23 іюня. Изъ Берна и Амстердама сообщаютъ, что подъ предсѣдательствомъ кайзера состоялся военный совѣтъ, который постановилъ отнынѣ на всѣхъ фронтахъ перейти къ оборонѣ. Наступленіе на Верденъ и Ковель имѣетъ назначеніемъ парализовать наступленіе союзниковъ. Главной причиной этого рѣшенія является невозможность замѣнить потери и невысокія качества рекрутовъ, слишкомъ молодыхъ или слишкомъ пожилыхъ.

Наступленіе французовъ и англичанъ началось.

Корреспондентъ „Развѣдчика“ ¹⁾ трогательно рассказываетъ о пребываніи Государя Императора въ одномъ изъ городовъ тыла:

Это было въ день пріѣзда Государя. Восторженно и чинно встрѣчалъ Х. своего Монарха. Тихій, сосредоточенный, простой, по-походному, въ рубашкѣ толстаго сукна и коричневой форменной перчаткѣ на лѣвой рукѣ стоялъ Онъ въ соборѣ во время безконечно-длиннаго, торжественнаго архіерейскаго служенія. Чуть-чуть постарѣлъ за эти два года, да ясные голубые глаза смотрѣли менѣе нѣжно, болѣе сосредоточенно и грустно, какъ будто темнили ихъ глубоко за ними хотившія мысли о тѣхъ страдальцахъ, для которыхъ Онъ пріѣхалъ сюда, думы тяжелыхъ заботъ и бремя великой отвѣтственности, которую ему въ удѣлъ назначила воля Всевышняго Творца. Истово крестился во время ектеніи: „О матери Его Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ“, „о Наслѣдникѣ Его и Великомъ Князѣ Алексіи Николаевичѣ“... провозглашалъ протодіаконъ Вербицкій

¹⁾ „Развѣдчикъ“, № 1336.

густымъ жирнымъ рокочущимъ басомъ. И вслѣдъ за небольшимъ, какъ бы сжатымъ крестнымъ знаменіемъ Царя, отъ самаго переноса, гдѣ задерживалась рука, до середины груди, подымалось множество рукъ, особенно слѣва, гдѣ стояли дамы, не пестрой, а строгой по формѣ одежды толпой.

Послѣ собора былъ осмотръ университетской клиники, затѣмъ одного изъ лазаретовъ, по несчастію самаго меньшаго изъ организованныхъ дамскимъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ губернаторши и состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ. Тамъ Государь задержался дольше, гораздо дольше, чѣмъ предполагалось по расписанію посѣщеній. Милостиво, подолгу разспрашивалъ Своихъ воиновъ о тѣхъ невзгодахъ, которыя пришлось имъ перенести за Него, Царя Батюшку, за родину, по Его Царской волѣ... И сначала отрывисто, боязливо, отдѣльными словами высказывались несложныя повѣствованія, пока наконецъ подъ ласковымъ, внимательнымъ взоромъ голубыхъ глазъ, ничтожной рядовой, одна изъ капель стихій, выдвинутой противъ врага, не чувствовалъ себя ободреннымъ, и радостно и гордо лился тогда разсказъ.

— Въ Карпатскихъ горахъ поранило... Шли съ ротой рано утромъ; развѣдка донесла, что непріятель близо; подпустили его шаговъ на четыреста, окопались и стали стрѣлять... Впереди снарядъ разорвался, пули свистали... Ну, мнѣ хотѣлось посмотреть, что онъ тамъ надѣлалъ; приподнялся этакъ изъ-за окопа легонько, а тутъ меня и ударило въ плечо; потомъ уже не помню... Только ихнюю позицію, товарищи сказывали, быстро наши взяли...

И докторъ, въ бѣломъ халатѣ, на разстояніи, чуть дрожащимъ отъ волненія голосомъ, позволяетъ себѣ объяснить:

— У него, Ваше Величество, ключица раздроблена, теперь кости срастаются, но движеніе руки очень медленно восстанавливается; съ позиціи шель пять верстъ на перевязочный пунктъ.

Голубые глаза внимательно останавливаются то на докторѣ, то на воинѣ, стоящемъ на вытяжку. И вотъ льются милостивыя, ласковыя слова, къ нему обращенныя, къ каплѣ, къ песчаной крупинкѣ... Голосъ дрожить, измѣняется, слезы невольныя и счастливыя навернулись на глаза.

— За Ваше Величество рады... голову сложить... не только что такъ... — Благоговѣнно цѣлуетъ медаль на Георгиевской лентѣ, полученную изъ Царскихъ рукъ. А Царь

улыбается одними глазами. Идетъ дальше и еще, и еще спрашиваетъ, какъ бы жадно прислушивается къ повѣстямъ скромныхъ героевъ, и еще льются какъ бальзамъ на ихъ души милостивыя, незабвенныя слова и благоговѣнно цѣлуются заслуженныя, какъ святыня отнынѣ трагичныя, знаки отличія.

— Опаздываемъ — тихо говоритъ кто-то изъ свиты — не успѣемъ по расписанію.

И много грустныхъ, разочарованныхъ въ этотъ день изъ представителей городскихъ, дворянскихъ, депутацій разныхъ сословій, учреждений и цеховъ. Царь сѣшилъ туда, къ своимъ сѣрымъ героямъ, въ лазареты, гдѣ ихъ приковала вражья пуля, въ дома милосердія, гдѣ добрыя, безкорыстныя самаритянки слезами состраданія омываютъ ихъ раны, гдѣ отдышаетъ, отходить душа отъ пережитыхъ еще такъ недавно ужасовъ. И дальше еще сѣшитъ Царь туда, гдѣ ждутъ тысячи людей, ежесекундно подстерегаемыхъ смертью, гдѣ люди-герои лежатъ въ окопахъ, перенося неисчислимыя лишения въ сырости и грязи, ожидая лишь команды, чтобы броситься впередъ, за Царя и отечество сложить тутъ же голову или дать правому дѣлу славу и побѣду...

Царь отбылъ. Медленно и плавно отходитъ поѣздъ, провожаемый несмолкаемыми криками ура. Царь все стоялъ на ступенькахъ своего вагона, рука у козырька... Бѣжали за поѣздомъ, бѣжали даже, когда былъ уже виденъ лишь задній вагонъ съ царскимъ автомобилемъ, еще кричали ура! когда поѣздъ уже скрылся... Потомъ медленно разошлись, разѣхались кто куда, и было грустно, что все прошло какъ сонъ, какъ очарованіе, такъ быстро... О недавнемъ радостномъ мгновеніи еще свидѣлствуютъ разукрашенныя улицы флагами—синимъ, бѣлымъ, краснымъ и новымъ съ царскимъ штандартомъ—знакъ единенія, полного сліянія Царя съ народомъ въ общемъ желаніи, въ общей борьбѣ. Портреты Царской Семьи въ окнахъ магазиновъ и зажженные кое-гдѣ вензеля, лампы. Еще завтра, такъ остро пережитыя сегодня минуты выльются въ бурную патріотическую манифестацію и въ горячія молитвы о здравіи Монарха и милосердіи Царя царствующихъ, Всевышняго Бога, къ чадамъ своимъ на грѣшной землѣ.

Наконецъ такъ образовался Особый комитетъ по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ.

Въ часъ добрый.

Владѣлецъ им. Падель на островѣ Эзелѣ Эрихъ Буксгевденъ по распоряженію военныхъ властей высланъ изъ района военныхъ дѣйствій ¹⁾).

Г. Валишевскій въ письмахъ съ запада приводитъ интересное видѣніе одного ²⁾ французскаго генерала объ исходѣ боевъ подъ Верденомъ:

Дивизионный генералъ, къ которому я обращаюсь, до войны былъ въ отставкѣ, и теперь вернулся на службу, но не можетъ добиться, чтобы его отправили на фронтъ. Это очень его огорчаетъ, но у всѣхъ генераловъ одинаково съ нимъ желаніе, и поневолѣ приходится дѣлать выборъ. Его товарищу, о которомъ онъ упомянулъ, въ этомъ отношеніи болѣе повезло: онъ провелъ зиму въ Аргонахъ. Тутъ съ нимъ и случилось происшествіе, ставшее любимой легендой восточной арміи, что очень характерно для мыслей и чувствъ, воляющихъ французскихъ солдатъ.

Во время объѣзда лагерей, отдаленныхъ отъ линіи обстрѣла, генералу доложили, что его хочетъ видѣть монахиня-кармелитка. Она просила его покровительства для сосѣдняго монастыря, гдѣ, по ея словамъ, она жила съ нѣсколькими другими сестрами. Генералъ принялъ ее очень любезно, она горячо благодарила его, сказала, что будетъ молиться за воиновъ, и, уходя, прибавила, что, что бы ни случилось, не слѣдуетъ бояться за Верденъ, потому что, хотя крѣпости будетъ грозить большая опасность, врагъ въ нее не вступитъ.

Генералъ совершенно позабылъ объ этомъ разговорѣ; онъ вспомнилъ о немъ, только когда начались яростныя атаки кронпринца на Верденъ, и ему захотѣлось увидѣть монахиню, слова которой показались ему теперь пророческими. Но когда онъ пріѣхалъ въ монастырь, кармелитки, казалось, не понимали, о чемъ онъ ведетъ рѣчь. Онъ никогда не выходитъ за монастырскую ограду, и ни одна изъ нихъ не могла его посѣтить. Генералъ началъ сер-

¹⁾ „Нов. Вр.“ № 14473 с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ № 14474.

даться, повторяя, что не во снѣ же онъ видѣлъ передъ собой ту монахиню. Въ эту минуту онъ замѣтилъ портретъ, висѣвшій на стѣнѣ пріемной.

— Да вотъ она!—воскликнулъ онъ.

Это было изображеніе св. Терезы.

24 іюня. Голландскія газеты передаютъ, какъ нѣмецкая труппа, игравшая въ Голландіи репертуаръ Вагнера, занималась контрабандой при возвращеніи въ Германію.

Таможенный чиновникъ, осматривавшій бутафорію труппы, замѣтилъ, что нѣкоторые предметы вѣсятъ слишкомъ много. Сдѣланъ былъ тщательный осмотръ дракона изъ „Зигфрида“, бога Вотана, шапки Альбериха, Брунегильды.

И оказалось:

Драконъ былъ наполненъ мукою.

Богъ Вотана перевозилъ въ себѣ кощенное сало.

Въ шапкѣ Альбериха найденъ голландскій сыръ.

Въ груди Брунегильды, гдѣ должно находится сердце,—обнаруженъ пудъ колбасы.

Десять торговыхъ Петроградскихъ фирмъ ходатайствовали о вывозѣ 350.000 пудовъ отрубей и кормовой муки въ Финляндію (а дальше куда?). Разумѣется, Калашниковскій биржевой комитетъ поддержалъ это ходатайство, въ виду того, что требованія на эти продукты якобы ограничены въ Петроградѣ. Конечно, наглое ходатайство провалилось.

Мародеры мясники дерутъ ужасныя цѣны на мясо: на таксу вошь вниманія.

Съ Японіей заключено соглашеніе въ двухъ статьяхъ:

Статья I. Россія не приметъ участія ни въ какомъ соглашеніи или политическомъ сочетаніи, направленномъ противъ Японіи.

Статья II. Въ случаѣ, если бы что-либо грозило территориальнымъ правамъ или особымъ интересамъ на Дальнемъ Востокѣ одной изъ договаривающихся сторонъ, признаннымъ другой договаривающейся стороной, Россія и Японія согласятся между собой относительно мѣръ, кото-

рныя онъ примутъ въ видахъ оказанія другъ другу поддержки и содѣйствія для охраны и защиты сказанныхъ правъ и интересовъ.

Соглашеніе подписано Сазоновымъ и Мотоно.

Это соглашеніе составляетъ заслугу родинѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ.

25 іюня. Корреспондентъ „Новаго Времени“ ¹⁾ передаетъ изъ Кіева:

„Съ изгнаніемъ непріятели вырисовалась во всей полнотѣ „доляльность“ нѣмецкихъ колонистовъ. Выселеніе изъ Волини началось послѣ занятія непріятеlemъ Владиміръ-Волинскаго, Ковельскаго и Луцкаго уѣздовъ, въ которыхъ осталось до 80 тысячъ нѣмецкихъ колонистовъ. Эвакуироваться, вмѣстѣ съ другимъ населеніемъ, передъ нашествіемъ непріятели, они, конечно, не думали: ни одинъ колонистъ не тронулся со своего мѣста. Теперь же, когда непріятели изгнаны, въ освобожденныхъ мѣстностяхъ не оказалось ни одного нѣмецкаго колониста: всѣ они ушли съ непріятельскими войсками. Вездѣ колонисты встрѣчали непріятельскія войска съ распростертыми объятіями, и все, что находилось въ колоніяхъ—дома, хлѣбъ, скоть и т. д., было предоставлено въ распоряженіе непріятели. Никакихъ реквизицій въ нѣмецкихъ колоніяхъ не было“.

26 іюня. Какъ и слѣдовало ожидать, вмѣсто лорда Китчевера военнымъ министромъ назначенъ тоже человекъ необыкновенной энергіи и талантовъ Ллойдъ-Джоржъ.

27—30 іюня. Опять гнусное германское преступленіе: госпитальное судно „Впередъ“, на пути изъ Батума въ Ризе, потоплено вражеской миной. Команда состояла изъ 60 чел.

„Армейскій Вѣстникъ“ такъ повимаетъ рѣшеніе Г. Думы не разсматривать вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ.

Всякій знаетъ, насколько остро стоитъ внутри нашей родины вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ. Онъ у всѣхъ на устахъ, онъ каждую минуту даетъ себя болѣзненно чувст-

¹⁾ „Новое Время“ 25 іюня с. г.

вовати, настолько болѣзненно, что наша періодическая печать, издающаяся на русскомъ языкѣ, но, какъ извѣстно, неохотно отстаивающая русскіе интересы, и та подъ давленіемъ русскаго общественнаго мнѣнія нѣтъ-нѣтъ и пробормочетъ что-то о нѣмецкомъ засильѣ. А вотъ наша Гос. Дума только въ исходѣ второго года величайшей, кровопролитнѣйшей, разорительнѣйшей войны съ нѣмцами удосужилась заговорить о нѣмецкомъ засильѣ. Впрочемъ, у Думы есть болѣе важные, болѣе сложные вопросы, напримѣръ, о еврейскомъ равноправіи. Нѣкоторая часть лѣваго крыла не постыдилась отстаивать интересы нашихъ непримиримыхъ враговъ. Противъ кого же эти „избранники“ русскаго народа отстаиваютъ эти интересы? Кому они служатъ? Отвѣтъ ясенъ. И это тогда, когда врагъ, не стѣсняясь никакими недозволёнными средствами, льетъ кровь нашихъ воиновъ, издѣвается надъ русскими мирными людьми, не разбирая пола и возраста.

Въ теченіе іюня на нашемъ западномъ фронтѣ ходъ военныхъ дѣйствій слагался слѣдующимъ образомъ:

Въ Буковинѣ на фронтѣ генерала Лечицкаго, несмотря на упорное сопротивленіе австрійцевъ и ихъ контръ-атаки, наступленіе сопровождалось неизмѣннымъ успѣхомъ, послѣдовательнымъ занятіемъ территоріи противника, захватомъ плѣнныхъ и боевыхъ запасовъ. Въ теченіе іюня послѣдовательно взяты съ бою слѣдующіе города и соответствующіе участки мѣстности — Снятынъ, Червовицы, Радауць, Гура Гумора, Кутты, Кимполунгъ, Коломыя и значительный районъ къ западу отъ Кимполунга.

Въ арміи ген. Щербачева шли упорные бои въ районѣ Бучача.

Противъ арміи Сахарова на Владимірѣ-Волынскомъ направленіи и противъ арміи Лечицкаго на Ковельскомъ направленіи непріятель со всѣхъ фронтовъ сосредоточилъ значительныя силы, подвезъ тяжелую артиллерию и съ 3-го іюня повелъ самое энергичное наступленіе, которое достигло наибольшаго напряженія 18 и 21 іюня и затѣмъ стало уменьшаться вслѣдствіе нашего наступленія у Барановичей и на Сарны-Ковельскомъ направленіи съ сѣвера въ районѣ Чарторійска. Мѣста упорныхъ боевъ находились въ районѣ береговъ Стири, въ окрестностяхъ Колки, Гадо-

мичи. Грузятина, Сокуля, и по Стоходу у Свидниковъ, Раймъста, Воройчина, а затѣмъ къ югу отъ Стохода у Киселина, Торчина, Затурцы, Локачи, Свинюхи и Горохова.

Затѣмъ противникъ повелъ наступленіе между Стоходомъ и Стырью.

Наибольшаго развитія бои достигли 20 іюня въ срединѣ разстоянія между Дубно и Сокалемъ, а также Луцкомъ и Гороховымъ.

Упорное наше наступленіе у Барановичей очень смутило противника. Онъ бралъ подкрѣпленія прямо съ приходящихъ поѣздовъ, а наши успѣхи 21 и 24 іюня при движеніи съ сѣвера въ окрестностяхъ Чарторійска, Колки, Комарова съ захватомъ стаяціи Сарны-Ковельской дороги Маневичей дали возможность нашимъ войскамъ Каледина и Сахарова двинуться впередъ. Упорные бои во всѣхъ этихъ районахъ шли съ перемѣннымъ успѣхомъ, съ захватомъ плѣнныхъ, орудій и пулеметовъ и разнаго боевого имущества. На прочихъ участкахъ западнаго фронта происходили лишь небольшія стычки.

Несомнѣнная успѣшность всѣхъ этихъ боевъ выражается цифрой трофеевъ арміи юго-западнаго фронта:

съ 22 мая по 3 іюня включительно взято нами 3.350 оф. 169.134 ниж. чин., 198 орудій, 550 пулеметовъ и 189 бомбометовъ;

съ 22 мая по 10 іюня 4.008 генераловъ, офицеровъ и врачей, 194.041 ниж. чин., 219 оруд., 644 пул. и 196 бомбометовъ;

съ 22 мая по 27 іюня 5.620 офиц., 266.000 ниж. чин. 312 оруд. и 866 пулеметовъ.

На Кавказскомъ фронтѣ непріятель имѣлъ успѣхъ на багдадскомъ направленіи, отбиты его наступательные порывы въ Трапезондскомъ, Равендузскомъ и Діарбекирскомъ направленіяхъ, мы продвинулись къ западу отъ меридіана Эрзерума и вновь захватили Махматунъ.

Какъ сражались войска генерала Каледина въ бояхъ подъ Киселинымъ, по свидѣтельству корреспондента „Русскаго Слова“¹⁾.

„Какъ въ настоящее время выясняется, когда въ Берлинѣ было получено ошеломляющее извѣстіе о разгромѣ чет-

¹⁾ „Русск. Сл.“ 27 іюня с. г.

вертой австрійской арміи и прорывъ австро-германскихъ укрѣпленій у Луцка, Вильгельмъ растерялся и приказалъ немедленно бросить на нашъ фронтъ свои лучшія силы, находящіяся въ стратегическихъ резервахъ во Франціи.

Авангардомъ германскихъ войскъ, отправленныхъ съ французскаго театра войны на выручку австрійцамъ, былъ десятый имперскій корпусъ, въ составъ котораго входили 19-я ландверная и знаменитая 20-я брауншвейгская „стальная“ дивизія, о боевыхъ дѣйствіяхъ которой въ германской арміи рассказываются цѣлыя легенды. Одна изъ такихъ легендъ гласитъ, что въ началѣ войны эта дивизія была окружена въ Вогезахъ желѣзнымъ кольцомъ французскихъ войскъ и на предложеніе сложить оружіе отвѣтила клятвой умереть или прорваться. Дѣйствительно, отчаяннымъ ударомъ эта дивизія вырвалась изъ рукъ нашихъ союзниковъ, и за этотъ подвигъ Вильгельмъ наградилъ ее наименованіемъ „стальная“ дивизія и приказалъ носить на каскахъ въ память клятвы смерти изображеніе головы Адама, которую въ германской арміи имѣли только пресловутые гусары смерти.

Десятый корпусъ прибылъ во Владимірѣ-Волинскій изъ Лана, во Франціи, гдѣ онъ стоялъ въ резервѣ, 3-го іюня и уже на другой день бросился навстрѣчу грозному потоку войскъ генерала Каледина. Встрѣча произошла въ мѣстечкѣ Киселинѣ.

Участники многихъ боевъ рассказываютъ, что имъ никогда еще не приходилось принимать участіе въ болѣе ожесточенныхъ бояхъ. Яростный ударъ брауншвейгцевъ приняла на себя прославленная „желѣзная“ дивизія генерала Д—кина. Германцы засыпали насъ десятками тысячъ снарядовъ безпрерывно въ теченіе четырехъ дней. Одна отчаянная атака смѣнялась другой. Но всѣ попытки нѣмцевъ отгнать насъ къ Луцку оставались тщетными, разбиваясь о непреодолимую, какъ гранитъ, стѣну нашей доблестной пѣхоты.

Къ вечеру третьяго дня боя, во время небольшой передышки, надъ германскими окопами появился плакатъ:

„Ваше русское желѣзо не хуже германской стали, а все же мы васъ разобьемъ“.

На это хвастливое заявленіе наши солдаты отвѣтили тѣмъ же способомъ:

„А ну, попробуй, нѣмецкая колбаса“.

Брауншвейгцы возобновили безумныя атаки. Но въ тотъ же день, неожиданнымъ переходомъ въ контръ-наступленіе, наши опрокинули два ихъ батальона, забравъ при этомъ нѣсколько пулеметовъ и два орудія.

7-го іюня, послѣ сорокъ второй атаки, брауншвейгская пѣхота смерти, наконецъ, присмирѣла. Утромъ 8-го іюня весь десятый корпусъ, въ виду огромныхъ потерь, былъ смѣненъ резервами и вышелъ изъ боя. Теперь онъ стоитъ во Владимірѣ-Волынскомъ въ ожиданіи пополненія, но врядъ ли скоро получитъ возможность принять участіе въ дальнѣйшемъ сраженіи.

Плѣнные рассказываютъ, что весь этотъ корпусъ за четыре дня боя потерялъ около трехъ четвертей своего офицерскаго состава и болѣе половины нижнихъ чиновъ. Особенно пострадала „стальная“ дивизія, въ которой едва уцѣлѣло по триста-четырееста человекъ.

— Никогда, — говорятъ плѣнные брауншвейгцы, — мы не допускали и мысли, что здѣсь, на восточномъ театрѣ, могутъ происходить такіе кровопролитные бои. У насъ, во Франціи, было куда спокойнѣе. Подобному разгрому мы не подвергались еще ни разу съ начала войны.

Главною цѣлью германцевъ было отстоять во что бы то ни стало Ковель и нанести въ концѣ концовъ генералу Каледину ударъ десятью дивизіями съ обѣихъ фланговъ, какъ это было выработано въ Ковелѣ на совѣтѣ Гинденбурга, Макензена и Линзангена.

Газетъ „Times“ была передана изъ Амстердама официальная телеграмма германскаго правительства, въ которой полностью приведенъ текстъ рѣчи германскаго императора, произнесенной 23-го или 24-го мая, въ Вильгельмсгафенѣ на борту флагманскаго корабля германскаго „флота открытаго моря“ передъ собранными на немъ представителями экипажей всѣхъ судовъ, принимавшихъ участіе въ бою 18-го мая у Горнсъ-Рифа. Такъ какъ дословный переводъ этой, по выраженію англійской газеты, хвастливой, рѣчи занялъ бы очень много мѣста, то для ознакомленія съ ней слѣдуетъ привести только наиболѣе интересныя мѣста этого историческаго документа. Въ началѣ своей рѣчи Вильгельмъ сказалъ, что онъ всегда, посѣщая флотъ и Вильгельмсгафенъ, радовался при обзорѣ той работы, которую совершала германскій флотъ въ ожиданіи боя съ значительно превосходящимъ его по силѣ противникомъ. Когда же

началась война, то какъ флотъ, такъ и армія, были готовы къ бою, но для перваго только теперь настало время боевого испытанія.

Въ то время, какъ армія, сражаясь противъ превосходящихъ ее по силѣ противниковъ, одерживала одну побѣду за другой, флотъ напрасно ждалъ боя, и прошло много мѣсяцевъ, когда на сушѣ были достигнуты громадныя успѣхи, а для него не наступалъ день рѣшительнаго выступленія, такъ какъ всѣ попытки вынудить противника къ бою оставались безуспѣшными.

Наконецъ, этотъ день насталъ, и „гигантскій флотъ Альбіона“, владыка морей, который болѣе ста лѣтъ послѣ Трафальгара наложилъ на весь свѣтъ ярмо морской тирани и считалъ себя непобѣдимымъ и непревзойденнымъ, наконецъ вышелъ въ поле сраженія.

Когда превосходящая насъ въ силахъ британская армада приблизилась и была атакована нашимъ флотомъ, то что же произошло на самомъ дѣлѣ?

Британскій флотъ былъ разбитъ. Произошелъ громовой ударъ и обаяніе британскаго морскаго могущества исчезло. Какъ электрическая искра эта новость облетѣла весь свѣтъ и заставила радостно забиться сердца нѣмцевъ и ихъ храбрыхъ союзниковъ и это было послѣдствіемъ сраженія въ „Сѣверномъ морѣ“. „Передъ вами, сказалъ далѣе кайзеръ, открылась новая глава міровой исторіи и германскій флотъ оказался способнымъ нанести пораженіе англійскому“. Послѣ этого онъ въ напыщенномъ тонѣ благодарилъ отъ своего лица, „Фатерланда“ и арміи всѣхъ начальниковъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ и закончилъ свою рѣчь утвержденіемъ, что этотъ флотъ совершилъ великое дѣло тогда, когда непріятель у Вердена начинаетъ постепенно уступать напору германскихъ войскъ, а союзникъ Германіи гонитъ итальянцевъ съ одной горы на другую. Затѣмъ онъ сказалъ, что „міръ ожидалъ всего, но не побѣды германскаго флота надъ британскимъ, но ставка была поставлена и ужасъ и страхъ теперь царить въ сердцахъ нашихъ враговъ“.

Теперь уже всѣмъ извѣстно, что побѣда германскаго флота закончилась бѣгствомъ въ свои порты.

Такую рѣчь могъ только произнести царственный клоунъ, нѣмецкій кайзеръ.

